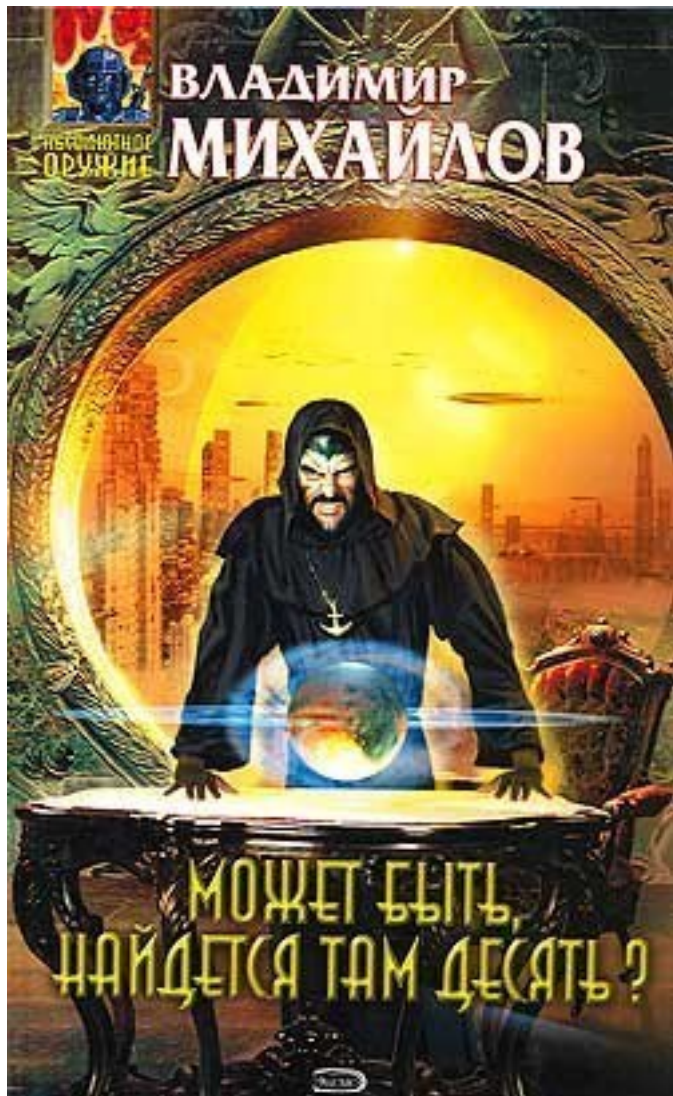

ПЕРСОНАЖ
ОРИГИНА

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

МОЖЕТ БЫТЬ,
НАЙДЕТСЯ ТАМ ДЕСЯТЬ?

Владимир Дмитриевич Михайлов
Может быть,
найдется там десять?
Серия «Капитан Ульдемир», книга 5

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165429
Может быть, найдется там десять?: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-14500-1*

Аннотация

Экипаж капитана Ульдемира снова в деле! Нынешняя миссия великолепной шестерки на планете Альмезот предполагает ни много ни мало – спасение этого мира для человечества и Мироздания. А для этого необходимо отыскать тех десятерых из его жителей, по заслугам которых Альмезоту будет дарован еще один шанс. Удастся ли Ульдемиру и членам его команды, когда-то пронзившим время и ставшим братьями по судьбе, обойти поставленные ею препоны? Враги сильны и не станут сидеть сложа руки, а точнее – сложив оружие...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	38
Глава 3	67
Глава 4	93
Глава 5	133
Глава 6	154
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Владимир Михайлов

Может быть, найдется там десять?

Пролог

1

Далеко на юге, где пролегал невидимый в этот ночной час горизонт, небо золотило зарево большого города, свет домов и улиц отражался от низких облаков. Шум мегаполиса оттуда не долетал, хотя, конечно, существовал: такие города никогда не умолкают. А здесь, в лесу, было темно и тихо, лишь временами шумел в верхушках деревьев северный ветер, приносивший с собой холодную сырость далекого моря, да сучья потрескивали в костре, вокруг которого сидело несколько человек. Если точнее, их было семеро. Кто-то устроился прямо на земле, иные сидели на тощих дорожных мешках. Четверо мужчин и три женщины. Каждый смотрел в огонь и, наверное, видел там что-то свое, настолько свое, что говорить об этом остальным не имело смысла, и они молчали. Лишь изредка кто-нибудь из них поднимал голову и гля-

дел в темноту: Мона и Лит, обе луны Альмезота, освещали сейчас другое полушарие. Но вот в отдалении ухнул филин – и неожиданный звук этот заставил всех пошевелиться, обменяться быстрыми взглядами, а одного из сидящих – даже сказать:

– Ну, наконец-то.

Видимо, то был сигнал, которого ждали, судя по тому, что люди начали подниматься, отряхивать со своих пальто или плащей налипший мусор, кто-то задвигал руками, словно делая зарядку, кто-то уже продевал руки в лямки походного мешка – не рюкзака, а просто торбы с привязанными веревками. Судя по ним, люди эти не принадлежали к племени туристов и в лесу оказались случайно, собравшись кое-как, в спешке. И, хотя никто не командовал, встали шеренгой так, что костер оказался между ними и тем незримым, в чью сторону они сейчас глядели. Там не было видно ничего, но вот птичий возглас повторился уже совсем близко, стало можно, напрягая слух, уловить звуки шагов, а спустя еще минуту сперва угадать, а затем и точно увидеть какое-то движение во мгле. Наконец в пятно света от костра вступил высокий, слегка сутулящийся человек в длинном, почти до пят, черном, кажется, плаще. Человек тяжело дышал. Когда пламя костра позволило разглядеть его получше, стало ясно, что он очень спешил, но двигаться быстрее вряд ли был способен: возраст не позволял, человека смело можно было назвать стариком по понятиям этого мира, где люди отвыкли

жить подолгу. Впрочем, его годы ни для кого не были новостью: человека этого знали все семеро, хотя друг с другом многие из них не были знакомы и встретились тут впервые.

Старик подошел, остановился, кивком поздоровался с ожидавшими. Ответом ему были вопросительные взгляды. Он заговорил, переводя дыхание:

– Слава Богу, успел. Они идут широким фронтом. Собаки, тепловидео – все как полагается. Вот-вот возьмут след. Костер уже наверняка запеленгован. Будут здесь минут самое большее через сорок. Отдохнули? Хотя – какая разница. Надо уходить как можно быстрее.

Но никто не сдвинулся с места. А один спросил:

– Есть ли смысл? Все равно укрыться нам негде. Догонят – и убьют. Не лучше ли вместо беготни спокойно обратиться к Господу, чтобы перейти в Его мир достойно, без суеты?

– Обратимся непременно, – отмахнулся старик. – Оказавшись в безопасности.

– Ты думаешь, это возможно?

– Выход есть. Я ведь обещал. Сколько нас здесь? Восемь. Значит, все. Идемте.

– Подождите. А профессор Зегарин?

– Он присоединится позже. До города доберется на ползуне. Так мы с ним условились.

– А десятый?

Старик покачал головой:

– Он, видимо, то ли передумал, решил по-своему, или ему

не удалось уйти. Ждать мы больше не можем. Теряем время!

- Костер гасить?
- Нет. Пусть думают, что мы еще тут, греемся.
- Куда мы теперь?
- Я же сказал: в город. Сейчас спастись мы можем только в обители.
- Абсурд! – сказал кто-то. – Прямо им в лапы.
- Безусловно, там они сильны. Но только так и можно ускользнуть. В обители нас не найдут.
- Туда надо еще попасть! То есть вам-то просто, но всем нам?
- Этим мы и займемся.

Костер остался в одиночестве. Наверное, ему стало грустно, и пламя его начало потихоньку опадать.

2

В начале, как и всегда, было Слово.

За ним последовали просто слова – потому что разговаривали двое.

- Он прав, как всегда, – сказал Фермер. – Это уже не просто тревожное положение. Их всего несколько человек, меньше десяти, и сейчас им грозит гибель. Это катастрофа.
- Почти, – поправил Мастер.
- Формально – да, согласен. Но реально – наш эмиссар вряд ли улучшит положение. Он вдруг оказался на самом ви-

ду у *того*. А без его помощи что мы сможем сделать за оставшуюся неделю?

Одна неделя независимого времени. За этот срок иссякнет струйка Тепла, какую все еще дает Альмезот. Такова динамика затухания. Судя по нынешней мощности, там оставалась самая малость людей высокого духа. Тех, кто и порождает Тепло. Хорошо, если десяток. А еще недавно их были тысячи, потом остались сотни... Их искореняли очень быстро и, видимо, жестоко, не понимая, что сами себе роют могилу – всему этому миру. Искореняли не столько люди, сколько сам образ жизни, постепенно воцарившийся там. Ну а последних уничтожат: вряд ли им удастся найти надежное убежище. И мир перестанет быть источником хоть какого-то Тепла. Тогда произойдет обрушение. Стремительное, необратимое. Сразу же вся эта часть Мироздания превратится в область Холода и Мрака.

– То, что должны: сохранить тех, кто есть, и найти других. Чтобы их стало хотя бы десять.

– Если бы мы могли сделать это сами!

– Если бы.

– А *тот* – может. У него руки развязаны.

– Как и всегда. Для нас – много правил. Для *них* правил нет.

– Да. Мы не можем послать людей на гибель.

– Только если они сами того не хотят.

– Разве есть кто-то желающий?

– Есть.

Они сидели на веранде все того же дома Фермы, где обитали всегда и всегда с радостью, никогда не покидавшей их, любовались открывающимися видами, по желанию сменявшимися друг друга, и вдыхали душистый воздух, не испорченный «продуктами» цивилизации и прогресса.

Всегда, но не теперь. Потому что даже это надежно защищенное от всяких неурядиц место за последнее время заметно изменилось к худшему, хотя и непросто было бы рассказать об этих изменениях понятными словами. Ферма как-то потускнела – не таким уже был свет, и другим воздух, иначе дышалось, даже думалось и ощущалось не так. И все это было лишь малыми последствиями того, что Холод и Мрак наступали. А если исчезнет Альмезот – сопротивляться атаке Холода станет невозможно.

– Я вызываю Ульдемира, – сказал Мастер.

– Думаешь, он сможет в таком состоянии духа? Боюсь, что они уже исчерпали себя.

– Не знаю. Увидим.

3

Хотя начинать следовало, наверное, не с этого разговора. А вот с чего.

«Господи, я, Ульдемир, обращаюсь к Тебе в мою тяжкую минуту».

Плохо, когда дел наваливается столько, что не успеваешь восстановиться и с каждым днем все яснее чувствуешь, как усталость оседает в мускулах, в костях, крови и хуже всего – в сознании. Но совсем скверно, когда ощутимо устаёт душа и жизнь во плоти, с ее неизбежной суетой, начинает казаться тягостью, а переход в космическое состояние, с уходом из тленного физического тела, становится чем-то желанным. Вожделенным отдыхом.

Начинаешь думать: а что есть такого в этой жизни, чтобы продлевать ее?

Удовольствия? Они приедаются. Становишься к ним равнодушен.

Власть? Самое низкое из желаний. Подлинная власть в Мироздании лишь одна, и она – не от людей. Стремиться к власти – значит выдавать себя за того, кем не являешься. Власть – всегда насилие. Может ли нормальный человек стремиться к насилию? Я – нет.

Забота о потомстве? Мое – давно уже заботится о себе само.

Творчество? Но мой творческий инстинкт всегда проявлялся в действиях. Действие может быть только устремленным к достижению цели. А если цели нет?

Любовь?

Да. Она – единственное, что имеет в этой жизни смысл и

ценность.

Но любить Тебя, Господи, можно и в жизни последующей. Там это даже легче. А любить Женщину...

Господи, зачем Ты отобрал Ее у меня? Ты ведь знал, что, отнимая Ее, лишаешь мое существование здесь всякого смысла. Прости меня, но я устал. И мои друзья, кажется, тоже: уже довольно давно не слышал о них ничего.

Каждый из нас однажды уже покидал планетарный уровень бытия – и не один раз, а самое малое дважды. Твои Силы возвращали нас сюда; значит, мы были нужны. И нам казалось: в том и состоит смысл нашей жизни, чтобы выполнять то, что поручали нам люди Твоих Сил.

Но вот и это ушло.

Значит, пора уходить и нам.

Я прав, Господи? Подай знак!»

С этой просьбой я обратился к Нему не вдруг.

К этому подходишь постепенно. Перестаешь ощущать ход времени и свое место в нем. Жизнь идет без твоего участия. Иными словами, ты есть – но тебя как бы уже и не существует. Казалось бы, вот прекрасная возможность привести в порядок свою физику и психику, подпитаться энергией из космоса, почувствовать себя заново родившимся – и снова сделаться значительным фактором бытия, с которым всем приходится считаться. Но не тут-то было. Нет, сперва все именно так и происходит, но такой отдых сродни алкоголю: у каж-

дого есть своя норма, и если перебрать – дела выйдут из-под твоего контроля и никто не сможет предсказать дальнейшего.

Именно это и происходило последнее время со мной. И со всеми нами.

Да, мы (я имею в виду, понятно, наш экипаж) изрядно поработали на Ассарте и свой «отпуск» честно заслужили. Разбрелись кто куда, условившись вскоре собраться снова на этой планете – не потому, что каждого из нас здесь так уж ждали, просто именно Ассарт возникал в памяти, когда приходила в голову мысль о возвращении хоть куда-нибудь. Потому что в родных временах для каждого из нас уже не оставалось места.

В этом я убедился на собственном опыте. Я думал, для того, чтобы прийти в себя, хорошо будет совершить, так сказать, экскурсию по собственным следам, начиная с родной Земли, потом – на Даль и, посетив все миры, где приходилось бывать, возвратиться на Ассарт умиротворенным и умудренным, каким и следует быть человеку, которому предстоит впредь не совершать в жизни никаких резких движений, но доживать спокойно, ожидая неизбежного перехода в космическое состояние, но никак не торопя его. Вновь общаться с Ястрой, изображая сопровителя в этом растрепанном мире, до той поры, пока она окончательно не вернет бразды правления Властелину. Тогда я еще не думал о власти так, как сейчас. Кроме того, к ней легко привыкаешь

и, как правило, не замечаешь, что она, эта власть, начинает понемногу перетягивать тебя на свою колодку. Тебе кажется, что ты все тот же, каким был, когда впервые появился на этой планете, но другие, те, кто знает тебя издавна, встретившись после недолгой разлуки, лишь пожимают плечами, говоря друг другу: «Что это с ним стряслось? Просто не узнать. Моча в голову ударила?» – и при этом отпускают подобные реплики так, чтобы ты не услышал. А это означает, что пришел конец чему-то хорошему и настоящему, тому, что долго формировало из нас и сформировало в конце концов некий сверхорганизм, способный решать задачи не только планетарного масштаба, но и покруче. Но всякий разгул чреват похмельем, в том числе и буйство войны. И вскоре после того, как перестали бить фонтаны адреналина, я ощутил, что, похоже, этому организму грозит распад – процесс необратимый, если учесть, что все мы были уже в годах.

Я имею в виду, как вы понимаете, не то, как мы выглядели, не физическое состояние, потому что каждый из нас пользовался своим рабочим возрастом и для стороннего взгляда оставался прежним: кому было тридцать, кому – сорок, дальше никто вроде бы не заходил, а Питек вообще утверждал, что ему постоянно пятнадцать лет. Поди знай, как они там в свою эпоху измеряли свой возраст, может, у них вся математика заканчивалась на пятнадцати, а дальше было просто «много» и «очень много». Да, с этим проблем не возникало. Но вот главное – наши тонкие тела, космическая осно-

ва каждого из нас ни на какие ухищрения не поддавались, а ведь именно они определяют отношение человека к жизни, а вовсе не физика. И то, что у близкой женщины не возникает к тебе претензий, теряет значение система отсчета и перестает укреплять веру в себя и в свою нужность жизни. Это очень серьезный рубеж; и если ты вовремя не заметил его, не сделал ничего, чтобы затормозить перед ним и изменить направление своего движения на какое-то другое, где до этой линии еще далеко, можешь считать свой путь завершенным: дальше будет только ускоряющееся падение – и все. Хотя со стороны ты все еще выглядишь молодцом.

Вот тогда-то я и отправился на экскурсию и очень скоро понял, что расчет оказался неверным с начала до конца. Думалось, что это будет пробежка по местам былых успехов – на деле же получилась донельзя грустная прогулка от одного могильного холмика к другому. И каждый раз в очередной могиле лежала любовь. Потому что память может постепенно растерять все или почти все, но любовь сохранится, и останется только носить траур по ней.

Я понял это перед последним броском на Ассарт, и вдруг мне совершенно расхотелось возвращаться туда, потому что я чувствовал, что это будет визит к новой могиле, самой свежей: мои отношения с Ястрой неуклонно катились к этому. Мне удалось заметить опасный рубеж, когда до него оставалось еще не менее полушага. И тогда я и обратился к Нему. Хотя и понимал, что выхожу за положенные мне пределы.

Нас ведь – таких, какими мы стали, создали Фермер и Мастер, мы были как бы инструментом в их руках, как и сами они, бывшие аватары, суть не более чем инструмент в руках Предвечного. А инструменту ни к чему проявлять свою инициативу. Итак, я понял, что ответа не последует.

Предстояло только решить, хочу ли я угасать в одиночестве – или умереть на людях, где, как говорится, и смерть красна? Я имел в виду, конечно, только друзей и соратников, наш сборный экипаж.

По моим прикидкам, как раз к этому времени экипаж должен был вернуться на Ассарт. Не то чтобы во Вселенной больше не осталось ничего привлекательного, но мы привыкли существовать в постоянном общении друг с другом, и была эта потребность всегда сильнее, а главное – долговечнее, чем те желания и стремления, которые временами определяли жизнь каждого из нас. Поэтому Питек, например, оторвался от женщин в том мире, куда он было кинулся, в мире его рождения. Уве-Йорген насытил свою страсть, из мира своей молодости удрав на планету, где можно было охотиться сколько влезет, но влезло в него не так уж много. Георгий еще раз поработал мечом в Фермопильском сражении, однако это более не доставило ему тех глубоких переживаний, с которыми связывалось раньше. Возможно, он в глубине души надеялся, что однажды эта битва закончится не так, как в тот раз, но наконец понял, что не в его силах изменить это. И Гибкая Рука, поучаствовав в сражениях с враждебными

племенами в родных краях, тоже уразумел, что кто бы там ни победил – бледнолицые все равно придут в конце концов и одержат верх. Вот почему я отважился на действие, на какое в иных обстоятельствах вряд ли осмелился бы, – решил объявить о том, что слагаю с себя капитанство и считаю экипаж распущенным, пусть каждый доживает так, как считает нужным. Я настроился на все каналы связи и, все еще не трогаясь с места – а задержался я чисто случайно в занюханном мирке по имени Лептида, с которым у меня никогда ничто не связывалось, – скомандовал общий сбор. Это было нетрудно: все, кроме меня, жили в одном из уцелевших в Сомонте, за пределами Мертвого кольца,¹ домов, которому они дали странное название Старческий Дом.

Уже стемнело, когда я, соответственно снарядившись, покинул убогую гостиницу близ космопорта. Билет на рейс, проходивший через Ассарт, был уже навешен на руку. Я шел, внимательно приглядываясь и прислушиваясь, стараясь идти бесшумно – вообще, надобности такой не было, но хотелось убедиться, что я еще не совсем утратил боевую форму. Не знаю почему, но порой мне начинало казаться, что эта форма в скором времени еще понадобится.

«Только бы не ошибиться», – невольно подумал я.

И в то же мгновение навалилось давно знакомое, но уже подзабытое состояние – когда привычный мир вокруг тебя исчезает, словно кто-то щелкнул выключателем, а вза-

¹ Об этом – в романах «Властелин» и «Наследники Ассарта».

мен возникает великолепное многоцветие вечно волнующегося и меняющегося Простора, шестимерного континуума. Но очень ненадолго, так что не успеваешь ни обрадоваться, ни испугаться. Потому что в следующий миг мир снова возникает – или, точнее, это я возник в нем: в мире Фермы.

– ...С чем его едят, этот Альмезот? – спросил я.

Ответил Фермер:

– Это один из немногих контрольных миров, капитан. То есть такой, где человеку дано развиваться по его собственным усмотрениям; люди сами решают – а мы не вносим коррективов.

Говоря «мы», он имел в виду, конечно же, Высшие Силы.

– Интересно. И к чему же он идет?

– К высокой технологической цивилизации.

– Ну и пусть себе живут в ней, – пожал плечами я. – Что плохого?

– Только одно, – сказал Фермер. – Господь сотворил Вселенную Света и Тепла не ради этого. Сейчас я объясню тебе...

Я слушал его очень внимательно. Даже начал понимать. И напомнил Фермеру:

– Но ведь это бывало уже – самое малое однажды. И Он обещал тогда: «Не истреблю ради десяти».

Вместо хозяина дома ответил Мастер:

– Вот и надо найти тех, о ком мы знаем, а потом и других – недостающих до десятка. Сделай это. Любой ценой.

– Из десяти миллиардов? – Я позволил себе усмехнуться. – А что, меня уже произвели в боги? В таком случае это легко – просто раз плюнуть. Нельзя ли чего-нибудь посложнее?

– Ты оптимист. Но шутка твоя неудачна и не ко времени. Их нужно найти в Кишарете, это – столица. Потому что если ты их отыщешь, мы с Фермером получим право явиться в этот мир и заняться его делами. Но мы не можем изменить ничего, пока этих десяти нет. Вспомни: некогда десяти не нашлось. И город погиб. Но на самом деле то была не казнь, но просто результат естественного процесса. А ведь тогда это был только один городок. Не целый мир.

Я на миг представил – и мне сделалось не по себе. Очень не по себе.

– Слушайте, – пробормотал я, – но почему я? В конце концов...

– Помнится, – заметил Мастер, – ты только что сам просил Его разрешить тебе покончить с нынешней жизнью. Так вот, Он оставляет это решение за тобой. Поскольку там твоя жизнь может легко прерваться. Противостоять придется не людям, и опасность будет очень большой. Но как бы ты ни решил, сперва найдешь десятерых. Чтобы облегчить тебе задачу, мы передадим то, что нам известно об этих людях, хотя это, увы, очень немного. Мы знаем, что искать кого-то из них следует среди ученых, кого-то – среди судей, финансистов, спортсменов... Один принадлежит к тамошней церк-

ви. Только один! Странная церковь, кстати сказать, но – сам увидишь. Надеюсь, эта малость информации хоть немного поможет тебе в поисках.

– Ладно. Мы отыщем их.

– Молодость... – определил Мастер. Я не понял: с сожалением или же с некоторой завистью. Хотя оба они выглядели людьми средних лет, на самом деле возраст их можно было измерять геологическими эрами; и пусть сами они в какой-то степени владели временем, но и время владело ими, оставляя незримые следы в образе мыслей, в восприятии мироздания, – Время, не касающееся только самого Творца.

– Чем вы нас снабдите? – задал я важный вопрос.

– Ульдемир, мы пошлем туда тебя – всех вас – не с голыми руками. Сделаем то, что обычно запрещается: дадим – на время пребывания на Альмезоте – способность свободного подселения, дадим внутреннее зрение, когда тонкие тела человека, его мысли и чувства можно увидеть сразу и во всех деталях. Надеемся, что никто не злоупотребит этим. Кроме того, надежно заблокируем ваши тонкие тела от постороннего воздействия. Все это будет дано тебе прямо здесь, своим товарищам сможешь передать похожие способности при встрече. Теперь загляни в себя и скажи: в состоянии вы решить такую задачу?

– Дайте мне подумать минуту, – ответил я.

Оба кивнули одновременно.

Я вышел и вновь после долгого отсутствия оказался на той самой открытой веранде, раньше всегда залитой ярким золотистым светом, исходившим, казалось, отовсюду и не дававшим теней. Теперь, показалось мне, свет этот поблек; но, может быть, просто память слегка приукрашивала прошлое, как это ей вообще свойственно? Дальше по-прежнему лежал обширный луг, и трава на нем была все еще достаточно высокой, чтобы возникло желание улечься в нее и позволить себе расслабиться в неге, ощущении, какого мне давно уже не приходилось испытывать. Неширокая речка, скорее даже ручей, струи-лась, пересекая луг и исчезая в лесу; она на самом деле обмелела или это тоже мне казалось? Зато лес, как и встарь, как бы заключал в раму и луг с ручьем, и дом, из которого я только что вышел, – вот он нимало не изменился за время моих странствий, все такой же острокрыший, с башенками и балкончиками наверху. Я невольно глубоко вздохнул – не от волнения, его сейчас не было, и не от грусти, давно таившейся во мне, но сейчас как бы вырвавшейся наружу; вздох этот вызван был мгновенным ощущением былой полноты жизни, богатой смыслом, но оставшейся в прошлом, так что теперь так вздыхать удавалось не часто, очень не часто. Потом я медленно, глубоко вдохнул, пытаюсь извлечь из памяти, вновь ощутить хмельной запах летнего

утра, медоносных цветов. Я понимал, что даже если такое удастся, уже через миг-другой эта гамма ощущений исчезнет – вся, от первой ноты до последней, и придут иные мысли, мысли о новом деле, за какое я только что взялся.

И тогда все доступное моему взгляду примет совершенно другой облик, а именно – подлинный. После чего не захочется больше валяться на этой траве, потому что каждая травинка и каждый цветок на самом деле – лишь контейнер высших тонких тел, буддхиальных и атманических, готовых к воплощению, но или еще не использованных, составлявших резерв Фермы, или же уже прошедших не одну инкарнацию и, увы, не заслуживших более высокой оценки, чем быть воплощенными в траву. Зная это, не очень-то захочешь общаться с ними, а я теперь знал. Как и многое другое. Поэтому мне и в голову не придет, скажем, опустить ноги в этот ручей с его точными, по синусоиде, извилинами. Теперь мне известно, что вода в нем – вернее, то, что представляется ею, – в действительности своего рода раствор других тонких тел, рангом ниже, – казуальных и ментальных. Ничтожно малая часть того, чем располагает Творец, – всего лишь некое оперативное подразделение, подготовленное к работе. И та трава, и та вода, которую я увидел бы завтра, попади я сюда снова, оказались бы совершенно другими, тут вряд ли нашлась бы и дюжина сегодняшних травинок или литр-другой сегодняшней воды – хотя ручей на деле был замкнутым и впадал, так сказать, в самого себя. Змея, кусающая себя за

хвост.

Не знаю, какие еще мысли пришли бы мне в голову, останься на то время. Однако мне было заранее известно, что Ферма не поощряет праздношатающихся; получил задание – изволь исполнять, не отвлекаясь и не очень-то переживая за свою судьбу. Потому долго раздумывать я себе не позволил.

– Согласен, – сказал я, зная, что двое в доме меня слышат. – Когда приступать?

– Тогда передай своим время и место встречи... Запомни-най.

– Разве мы не отправимся туда вместе? Всем экипажем сразу?

Все мы продолжали по старой привычке называть себя именно так. Хотя у нас давно уже не было своих кораблей.

– Мы можем перебросить туда только тебя, – сказал Мастер. – Это контрольный мир, и наши права на нем не то что ограничены – их просто нет. Так что остальным придется добираться своим ходом, не так, как раньше. Но это вас ведь не остановит?

– Мы постараемся, – пообещал я.

– Тогда все. В следующий миг ты наверняка окажешься...

Я не успел даже окинуть последним взглядом хозяйство Фермера: непроизвольно моргнул, а когда веки вновь поднялись, мне открылось уже совершенно другое зрелище.

Глава 1

1

Ползун (на самом деле то был, по моему понятию, автобус то ли на воздушной подушке, то ли на антигравях) остановился, медленно опустился на полозья. Прозвучала информация на языке, которого еще за мгновение до того я не знал, но сейчас все понял, словно бы он был моим родным, русским. У выхода на минуту возникла легкая толчея: конечная остановка, пассажиры торопились выйти и пробежать те несколько метров, что отделяли нас от здания вокзала, – спешили, потому что снаружи был ливень и вода хлестала, казалось, со всех сторон: сверху, снизу и со всех румбов одновременно. Я вышел последним, в три прыжка достиг навеса, но внутрь не пошел, вместо этого присел на одну из скамеек, что стояли под навесом вдоль всего фасада.

Мне нужно было несколько минут полного одиночества. Такое своего рода тамбурное время, без которого не обойтись при внезапном переходе из одного мира в другой, совершенно непохожий на тот, где вы вот только что были. Эти минуты особенно необходимы, когда условия, в которые вас перенесли, являются для вас совершенно новыми, с ними

не связано ничто в вашем опыте, и перед тем как предпринять хоть какое-то действие, обязательно нужно ощутить эту обстановку, почувствовать себя ее частью, пробудить в себе чувство дома, то есть чего-то хорошо знакомого и близкого, и лишь позволив хилому ростку этого чувства укорениться и подрасти, можно начинать действовать, не боясь сразу же привлечь к себе неприязненное внимание окружающих, что чаще всего приводит к быстрому провалу.

Так вот, сейчас я оказался именно в таком положении, потому что ни разу не бывал ни в этом мире, ни, естественно, в этом городе, огромном, судя по расстоянию, какое пришлось преодолеть ползуну-автобусу от въезда, где прямо в воздухе каким-то способом было начертано название города, до того места, где я сейчас сидел. Название было – Кишарет. Я знал, что в нем – в названии – на местном языке заложена идея величия и этого города, и (пусть и в меньшей степени) всего этого мира, поскольку здесь давно уже не осталось деления на разные государства, что свидетельствовало о почтенном возрасте местной цивилизации.

Итак, Кишарет, давай будем знакомиться.

2

Сперва я использовал возможности зрения. Фасад вокзала, перед которым я сидел, выходил на площадь, весьма обширную, с живым движением пешеходов, не подчиняв-

шихся, похоже, никаким правилам. Они пересекали это пространство вдоль и поперек, кому как взбредет в голову – и ни одного регулировщика не было видно. Можно было удивиться, но я не успел, потому что в следующее мгновение понял: все в порядке, здесь просто нет транспорта, его потоки струятся по туннелям под этой площадью. Ведь и ползун, доставивший меня сюда, вынырнул из такого лишь в десятке метров отсюда и наверняка уедет снова в туннель. Интересно, какая часть транспортного движения в Кишарете упрятана под поверхность или, наоборот, – поднята на эстакады? Непременно нужно разобраться. Потому что от этого моя безопасность зависит в первую очередь. Однако перед тем, как встать и пойти, нужно еще пооглядываться.

Величина площади заставляла предположить, что я находился никак не в центре города. Ядром всякого поселения является его историческая, древнейшая часть, возникавшая по принципу минимальных расстояний, как правило, задолго до появления механического транспорта. Правда, бывали исключения, но они относились или к нашей Земле, где уже достаточно развитая цивилизация вдруг открывала для себя новые огромные территории, или же к мирам совсем молодым. Но они просто не могли успеть провиниться до такой степени, чтобы...

Стоп. Рано об этом. Думай дальше спокойно, не забегая вперед.

Ни одно здание из окружающих площадь не выглядело

старше, чем... Я остерегся называть цифру, не ощутив еще темпа здешней жизни. Все это могло быть построено и десять, и сорок лет тому назад. Но, во всяком случае, история этих мест была молода, город явно рос – и это было очком в его пользу.

Атмосфера этого места показалась мне спокойной. Хотя какое-то напряжение в ней, безусловно, ощущалось. Но оно не вызывалось, как я почувствовал, страхом за свою безопасность или боязнью завтрашнего дня. Такое возникает, как правило, перед большим праздником или событием, способным повлиять на жизнь здешних обитателей в будущем. А каким будет это событие, помогло понять множество красочных, мигающих и переливающихся разноцветными огнями табло, стел, возникающих и тающих прямо в воздухе голографических фигур; все они предвещали наступление грандиозного празднества, а именно – первенства Альмезота по какой-то спортивной игре; сути ее я еще не понял, но ясно было, что в поединке сойдутся две команды, борющиеся за один мяч. Вообще-то, везде, где живут люди, спортивные игры в принципе похожи друг на друга, да суть ее меня и не интересовала. Однако вся эта реклама заставляла предположить, что никаких серьезных беспорядков, тем более глобального масштаба, здесь не ожидалось. Никакого конца света.

Но спортивная эта тема была не единственной; куда более фундаментальными казались такие тексты, как, напри-

мер, «Покупайте! Продавайте! В этом – смысл жизни!», «На седьмой день Бог создал деньги!», «Самые выгодные проценты только в Храме» и еще много в таком же духе. Вероятно, это должно было свидетельствовать о том, что деловая жизнь в городе была, как говорится, ключом. Интересно, что такое «Храм»: неужели у кого-то хватило наглости, чтобы назвать так банк или другое финансовое учреждение? А хотя – здесь чужой монастырь, значит, и устав свой, а поспешные суждения редко оказываются верными.

Суждения – да, но не ощущения – им как раз нужно доверять.

Попробую выделить их в чистом виде. Отключившись от собственного настроения и от всего, что может мешать, в частности – от скверной погоды. Я закрыл глаза и представил, что дождя нет, все прекрасно, просто чудесно, солнце сияет вовсю, просто отсюда мне его не видно, так что, любезный капитан Ульдемир, поехали, пусть даже не трогаясь с места.

Прежде всего – действия на ближайшие часы. Мне предстоит: первое – здесь, на этом самом месте, дожидаться друзей, всех пятерых. Не знаю, каким путем они будут сюда добираться, однако уверен: доберутся, не заставляя меня ждать слишком долго. Второе: найти более или менее надежное убежище, базу, откуда мы будем выходить на поиски и куда возвращаться. Третье – а может быть, и первое, – заранее представить себе, как мы – каждый из нас – должны будем

тут выглядеть: одежда, манера двигаться – ни в коем случае не группой, это способно сразу же вызвать у окружающих какие-то подозрения, и тому подобное. То есть сейчас – наблюдать и, как говорится, мотать на ус. И, что еще важнее, попытаться уже сейчас, сразу заглянуть в мысли одного, другого, третьего, чтобы узнать, о чем аборигены думают, как чувствуют... Как живут, одним словом. Чем и ради чего. Что заставляет Ферму – а на самом деле, конечно, тех, кто куда выше, – думать о крайних мерах по отношению к этому миру, внешне вполне благополучному?

Для этого необходимо привести себя в состояние прибора: ничего своего, одна лишь объективность и точность. На короткое время отказаться от услуг зрения и слуха, не ощущать, только лишь настраиваться на проникновение в чужие мысли и чувства. Итак...

Я почти достиг нужной степени сосредоточенности, как вдруг почувствовал, что скамейка, на которой я до сих пор пребывал в несколько подмоченном одиночестве, ощутимо дрогнула, сбив мою не без труда достигнутую настройку.

Ах ты!..

3

Пришлось приоткрыть глаза, покоситься.

Ну, понятно. Кто существует для того, чтобы расстраивать и разрушать все мужские замыслы? Вот именно: женщина.

Во всяком случае, если быть точным, существо женского пола. Человеческая самка. «Женщина» для меня – слово высокое, по-моему, оно как титул, которого заслуживают единицы, а эта особь к ним никак не относилась. Мокрая курица, вот кем она была. И чего ради она села именно сюда, когда и правее, и левее стоит еще не менее десятка точно таких же сидений? Уж не из желания ли завести знакомство? Это со мной, чья последняя подруга была властительницей целого мира?! Ну, знаете ли...

Я откашлялся, как мне показалось, очень выразительно, скорее эти звуки напоминали рычание потревоженного – скромность не позволяет мне сказать «льва», но именно что-то такое я имел в виду. Однако непрошенная соседка, похоже, не бывала в национальных парках, даже зоосад не признавала, и мой рык на нее никак не подействовал, мокрые сосульки ее волос даже не дрогнули; она, как ни странно, не смотрела в мою сторону, и это уже само по себе было обидно.

– Мадам, – сказал я, стараясь сохранять полное самообладание. – Не будете ли вы столь любезны и не пересядете ли на другую скамейку? Прошу в ваших же интересах: я болен вирусной лихорадкой, которая распространяется капельным путем. И мне не хочется быть виновным...

(Я, понятно, передаю тут лишь смысл сказанного; звуки, которые при этом вырабатывались моими голосовыми связками, губами и языком, ничего общего с той речью, при помощи которой общаемся мы с вами, не имели, и сам я с нема-

лым интересом вслушивался в то, что у меня получалось.)
– Иначе, – продолжил я, – мне придется попросить вон того господина...

И я кивнул в сторону медленно прохаживавшего вдоль фасада человека, в котором можно было опознать полицейского (или как они тут назывались), даже будь он без формы, традиционной дубинки и не менее традиционного дистанта на правом боку.

Однако курица на мои слова никак не откликнулась; лишь бросила в сторону приближавшегося стража порядка мгновенный взгляд – свидетельство того, что мой меморандум был ею услышан и правильно понят. И только после этого решила уделить какое-то внимание мне. Оно выразилось в словах:

– Только приехал, верно? Не встретили. На гостиницу не тянешь. Могу предложить комнату. Все удобства. Никакого контроля – сверх обычного. Недорого, дешевле бывают одни койки. Годится? Если, конечно, у тебя все в порядке.

Я быстро просчитал. Вообще-то, вариант был не из самых плохих. В гостинице сразу попадаешь в контрольную сеть, где достаточно быстро придут к выводу, что тебя, вообще-то, на свете не существует, и доказать обратное будет трудно. К сожалению, Ферма, как и все прочие места концентрации Сил, настолько уверена в собственном могуществе, что, наделая нас какими-то частицами своих возможностей, совершенно не задумывается о таких мелочах, как, скажем, убе-

длительная легенда или хорошо сфабрикованные документы да и деньги, имеющие хождение. Обо всем этом предоставлено заботиться самим исполнителям. А у меня на это просто еще не было времени, я, можно сказать, только что родился в этом мире. Деньги, как я надеялся, привезут с собой друзья – хотя бы ассартские, их наверняка можно будет где-то поменять. Посему об отеле и речи быть не могло. Но и на комнату у меня денег не было, да и документы эта дамочка наверняка потребует. Если так открыто предлагает услугу – значит, действует официально, что означает прежде всего регистрацию в органах власти. Жаль, но сейчас я просто не готов воспользоваться представляющимся вариантом. Будь экипаж уже здесь – другое дело, но они еще где-то в пути. Следует отказаться – но так, чтобы не вызвать подозрений. Сказать, что нет денег, – нельзя: тогда я сразу попаду в категорию бродяг, а тут к ним наверняка относятся не лучшим образом, как и во всех мирах с такой структурой общества – то есть в большинстве их. Интересно, а сел бы я на другую скамейку – она и тогда полезла со своим предложением? Наверняка, похоже, это ее источник дохода, она на работе.

– Очень любезно с твоей стороны, – ответил я вежливо. – Но у меня проблем нет, просто мои встречающие задерживаются. Вот-вот подойдут. Спасибо.

– А-а, – протянула она разочарованно и отвернувшись: больше я ее не интересовал. И прекрасно. Зато очень плохо то, что мои до сих пор не появились, а маячить тут долго

нельзя: увидев, что никто так и не удосужился меня встретить, она наверняка повторит приглашение, а второй отказ может уже вызвать определенные подозрения. А полицейский – рядом, и, похоже, их деловые отношения хорошо налажены.

И действительно, он, поравнявшись с нами, окликнул ее, как старую приятельницу:

– Привет, Вирга! Как сегодня – нормально?

– Да нет, его тут встретят, говорит.

Он медленно повернулся и направился к нам. Я слегка встревожился: эта женщина вполне могла оказаться и каким-нибудь агентом, помогающим вылавливать незаконных иммигрантов; такие всегда толкутся на каждом вокзале, в каждом порту – морском, воздушном или космическом. Остановился в трех шагах. Окинул меня профессиональным взглядом. Но, видимо, не обнаружил ничего такого, что заставило бы его заинтересоваться мною всерьез. Да и то – внешне я, пожалуй, ничем не отличался от здешнего люда. Обыватель средней руки, не более...

– Ничего, – снова услышал я его слегка охрипший от непогоды голос. – До Малиретского осталось недолго, там кого-нибудь сговоришь. Только не заламывай, слышишь? Провинциалы – народ прижимистый. Плюс два от вчерашнего – больше не задирай. Сечешь? Два дикона – на большее сегодня не рассчитывай. Ты промокла вся – иди подсушись внутри. Вечерком приду, да?

Она пробормотала что-то, явно неодобрительное, судя по интонации; в лексиконе, внедренном в меня, точного перевода не нашлось. Но следующие слова оказались понятными: – Ну, конечно, буду ждать.

Меня они, очевидно, совершенно не стеснялись. Это к вопросу о нравах. Мелочь, однако многозначительная.

Полицейский двинулся дальше, вышагивая вдоль фасада. А женщина поднялась, слегка потянулась, сказала, ни к кому вроде бы не обращаясь:

– Ну, я – под крышу.

И направилась к вокзальному входу. Блюститель порядка, уже отойдя, снова одарил меня внимательным взглядом, помедлил секунду-другую, возможно, ожидая – не последует ли с моей стороны какого-либо заявления, скажем, на тему пристаивания со стороны незнакомой дамы. Я едва заметно качнул головой, как бы давая понять, что все в порядке. Он так же скупно кивнул и продолжил патрулирование.

В глубине души я был зол на них обоих. Я не забывал, что моей основной и, по сути, единственной задачей на этой планете было – отыскивать тех немногих людей, что еще продолжали производить Тепло, иными словами – вести жизнь духовную, потому что Тепло и Свет только и создаются духом и никак не плотским телом с его примитивными интересами и стремлениями. Эти двое вольно или невольно отвлекли меня от дела, я даже и их самих едва не просмотрел. Упущение. Надо наверстывать.

Снова пришлось потратить пару минут, чтобы привести себя в должное состояние. И наконец я смог заняться делом: закрыл глаза, и...

О Господи! Ну и ну!

Так воскликнул я – разумеется, мысленно, – просмотрев с десяток людей из числа находившихся поблизости, немного разобравшись с их мыслями, желаниями, сравнениями...

Молодой, скромно, но аккуратно одетый человек: «Если после взлома деньги перегнать во Второй Малиретский банк, а оттуда сразу же – в его филиал на Шинаде, то там их никогда не найдут, и я через полгода смогу...»

Средних лет дама: «Сама я о нем сообщать не стану, но все это передам Ферну, пусть сам постарается освободить это местечко для себя. Главное тут – не продешевить – надо посоветоваться с Тамирой, сколько можно требовать за такую информацию».

Недурного облика девица: «Сперва пусть отдаст приказ, после этого я с ним лягу. А так, как он хочет, – не выйдет, милый, дуры вымерли давно уже».

Солидный господин: «Задержать платеж хоть на три дня – тогда я их хоть еще раз оберну через Шника, и все будет – лучше не надо!»

Такие вот мысли, желания и настроения были явно преобладающими. А если попытаться расчленить их на составляющие, веселее не становилось. Получалась примерно такая табличка:

Любовь – 2 %.

Дружба – 1 %.

Честность – 1 %.

Порядочность – 0,5 %.

Доброта – 1,5 %.

Законопослушность – 0,5 %.

Неподкупность – 0,1 %.

Верность – 0,3 %.

Сострадание – 0,1 %.

Все это – отдельными крохотными островками в океане, имя которого было – нажива. Как цель и смысл всего. Ее было 82 %, остаток приходился на жадность и хитрость.

Я предполагал подобное. Но не до такой же степени! Кстати, с первенством Альмезота по игре в мяч это как-то не монтировалось.

«Ладно, – принялся я утешать себя. – Нельзя на основании поверхностного впечатления делать серьезные выводы. Нужен глубокий анализ. И без друзей теперь тем более не обойтись. Надо еще раз попробовать установить с ними связь».

Но прежде – убедиться в собственной безопасности.

Я снова расслабился; в таком состоянии легче всего ощутить постороннее внимание. Человек обладает всеми необходимыми механизмами для того, чтобы чувствовать на себе не только чужие взгляды, но даже (хотя это сложнее) и мысли. Нет, все говорило о том, что я был совершенно сво-

боден от воздействий – даже от простого любопытства. Значит, можно было приступить к работе.

Настройка на нужные каналы заняла немало времени, как это почти всегда бывает, когда устанавливаешь связь из новой, неосвоенной точки пространства.

Послание мое состояло лишь из нескольких слов. Странно, что сигналы обратной связи так до меня и не дошли. Я попытался нашарить каналы моих друзей, но тщетно. Тому могло быть несколько причин, не вызванных чьим-то противодействием, так что бить тревогу было рановато. Но сидеть тут и ждать у моря погоды выглядело неоправданной потерей времени. Нужно было, самое малое, найти какую-то крышу. Интересно, нельзя ли как-то устроиться тут, на вокзале? Мы ведь сюда ненадолго, люди мы неприхотливые, можем и на скамеечках переночевать...

4

Я поднялся наконец с изрядно надоевшей скамейки, мимолетно порадовавшись тому, что дождь наконец закончился. Не знаю, надолго ли: тучи по-прежнему висели низко и были явно, как говорится, в интересном положении.

Мне было совершенно все равно, куда идти: направо или налево, на север или юг. Я на миг задержался. Мимо пробежала собака мелкой рысью; ее почти совершенно цилиндрическое тело, если не смотреть на быстро-быстро семенящие

ноги, как бы летело по идеальной прямой, нимало не колеблясь. Может быть, она для того тут и появилась, чтобы указать мне направление?

Я вышел из-под навеса. Оставаться тут дальше означало бы зря мозолить глаза хотя бы тому же полицейскому; люди, чьей задачей является следить за порядком, в любом населенном мире размышляют, в общем, одинаково. Все попадающие в поле зрения стражей порядка сразу же определенным образом классифицируются, относятся к какой-то знакомой и понятной части населения – исходя из их поведения. И в какой бы части Мироздания ты ни находился, если твое поведение не укладывается в один из стереотипов, ты сразу же попадаешь в категорию подозреваемых. У полицейского немедленно возникает желание разобраться с тобой, узнать, кто ты и зачем, убедиться в том, что твоя необычность лишь кажущаяся и на самом деле ты не представляешь никакой опасности, или, наоборот, решить, что подозрения обоснованны и тебя следует, самое малое, задержать до выяснения.

Так что размышлять мне было особо некогда, нужно незамедлительно что-то предпринять, чтобы стать тут своим, не вызывающим никаких подозрений – и при этом оставаться если и не на вокзале (если не получится), то где-то в этом районе, потому что именно сюда должны прибыть все мои друзья. Что же я могу сделать прямо сейчас, сию минуту? Снова он смотрит на меня, медленно поворачивается, идет ко мне...

Глава 2

1

Уве-Йорген Риттер фон Экк незаметно для самого себя погрузился в невеселые размышления. Это свойственно людям действия, когда именно действия им не хватает, когда в жизни теряются ориентиры и вещи, только что ясные и понятные, вдруг становятся туманными, неопределенными, как если бы ты вдруг оказался в слепом полете, управляя самолетом, не оснащенным необходимыми для этого приборами. Когда перестаешь понимать, где земля, где горизонт, где твой ведомый и где – возможный противник...

И возникает вопрос, самый простой и очень насущный: а зачем я вообще здесь? И еще проще: а зачем – я?

А где я хотел бы быть сейчас? Дома? Но где мой дом? Muenchen, Bayern, Deutschland, die Erde? Я был там совсем недавно и – честное слово – нигде не чувствовал себя до такой степени чужим, как там. Не помню даже, какой там у них – у нас? – век. Даже климат, по-моему, изменился. Мне стало казаться, что я где-нибудь на юге Франции, как в начале сорок первого, когда мы...

Пустые воспоминания. Они больше не греют.

Кто я? Кто такие – все мы? Что у нас общего?

Планета Земля – но мы ей больше не нужны. Хотя бы потому, что мы там давно мертвы. У меня там нет даже потомков: не успел вовремя обзавестись.

Если есть дети – значит, ты обладаешь, самое малое, одной целью: сохранить их, вырастить, продолжить род...

А если нет – нужна другая цель. Мне казалось, что она есть – у меня, у каждого из нас, – пока здесь, на Ассарте, шла война. Почему я не погиб на ней? Я оказался бы теперь напарником иеромонаха Никодима, человеком Космоса, космитом. Но лучше ли это? Не знаю, не пробовал. Вернее, мне не позволили – тогда, когда я был сбит, – но об этом не хочется вспоминать. Никодиму что: он с людьми Высших Сил общается запросто, приучен чуть ли не с детства. Но мы, военные, так не умеем. Слишком далека наша профессия от того, чего хотят они. Наше восприятие мира проще и действительней.

Экипаж понемногу распадается, я чувствую. Капитан куда-то исчез. Что делать мне? Создать межзвездный легион, что ли? Предлагать услуги всем, кому они потребуются? Не даром, конечно. Кстати, и деньги заведутся, а то без них не очень-то... Властелин нас еще как-то кормит, но это, чувствуется, ненадолго.

Или как следует напиться? Но это ведь не выход.

Мы больше никому не нужны. Никому – значит, и самим себе.

И, следовательно...

– *Риттер фон Экк!*

Рыцарь вскочил. Не размышляя: сработал рефлекс при звуках командного голоса, прозвучавшего, впрочем, лишь в его сознании.

– Zum Befehl!

– *Узнаешь меня?*

– Так точно, Мастер!

– *В отсутствие капитана командуешь экипажем ты.*

– Я готов!

– *Ставлю задачу: любым способом в полном составе достигнуть мира Альмезот. Там передашь командование капитану. Он разъяснит дальнейшую задачу. Вопросы есть?*

– Дело серьезное? Какова численность противника?

– *Миллиардов шесть-семь.*

Рыцарь улыбнулся:

– Благодарю за доверие, Мастер.

Уве-Йорген проговорил, как и полагается командиру, – медленно, строго, весомо:

– Мастер сказал ясно: прибыть в полном составе. А из нашего списочного состава Пахарь никогда не исключался. Однако я не вижу его среди нас. И я не осмелюсь доложить капитану, что распоряжение Сил не может быть выполнено. То, что у иеромонаха нет физического тела, вовсе не значит, что

он освобожден от обязанностей члена экипажа. Кто-нибудь думает иначе?

Никто из троих, к кому обращался Рыцарь, не возражал. Лишь Питек молвил:

– Пахарь прибудет, он в курсе. Но тела для него сейчас тут нет. И найти его не так просто: нужна полная совместимость с его тонкими – иначе он мало на что будет способен, занимаясь своими внутренними проблемами.

– Что же, неужели мы вчетвером не можем обеспечить нашему товарищу подходящего тела? – спросил спартиот.

– Найдем, – сказал Гибкая Рука.

– Когда? – поинтересовался Рыцарь. – Завтра? Через месяц?

– Мастер говорит: «Немедленно», – напомнил индеец.

– Найдем очень скоро, – без тени сомнения произнес Питек.

– Ты уверен? – решил уточнить Рыцарь.

– Я всегда уверен, – ответил Питек.

2

Старческий Дом. Это название, придуманное экипажем, прижилось в Сомонте. Не в официальных документах, конечно. В них это строение вообще не упоминалось, как и многое другое. Такое случается в первые месяцы послевоенного (он же предвоенный) периода. При этом не играет ро-

ли — была ли война победоносной или же завершилась поражением: не так уж редко то, что казалось первым, на деле оборачивается вторым, и наоборот, конечно. Название укоренилось в том мире, в той среде, которые при взгляде из нормальной жизни могут показаться иррациональными, дикими, неправдоподобными. Но в пору, когда распад уже вроде бы завершился, а созидание еще не началось, — в эти дни именно мир беспорядка и безвластия, мир развалин, кое-как вырытых землянок и сооруженных из мусора хижин, безлюдных в светлое время и оживающих с приходом темноты улиц, оборванных и истощенных людей, передвигающихся не обычной нормальной поступью, но короткими перебежками от одного укрытия к другому, словно бы в городе еще идут бои, — вот этот мир и является единственно реальным и живым. И поскольку он действительно существует, то в нем происходит и общение людей, и обмен информацией, и возникают новые понятия, отношения, новые иерархии, а также и новые имена и названия. Наподобие уже упомянутого выше Старческого Дома.

Дом этот сам собою стал заметным ориентиром в новой городской топографии хотя бы потому, что был единственным уцелевшим в этой части кольца; по нему вскоре и улицу, на которой он стоял, стали называть Старческой. Былое ее имя проезд Желтых Роз никак не сочеталось с холмами битого бетона и искрошенного кирпича, на которых, естественно, не только розами не пахло, но и до одуванчиков было

еще ох как далеко.

Человек по имени Кушелик, которое в этом мире успешно сменилось на кликуху Кошелек, практикующий грабитель, осторожно приближаясь все к тому же пресловутому дому, о цветочках думал меньше всего, а вместо того прикидывал – что здесь можно будет взять и кому потом сдать с наибольшей для себя выгодой. Отвлекало его от этих мыслей разве что недоумение: каким это образом приюту старых песочниц удалось просуществовать в целости и, похоже, сохранности по сей день? Он мог объяснить это лишь одной причиной: полным или почти полным моральным разложением местных урканов, которым, похоже, просто лень было добираться сюда (и в самом деле, от более или менее людных центральных кварталов Первого, внутреннего, кольца путь в эти места занимал несколько часов, проехать же, даже имейся на чем, было никак невозможно). Да, война плохо повлияла и на эту часть общества, лишила ее былой лихости и стремления взять побольше, заставила удовлетворяться меньшим фартом – зато быстрым и не требовавшим заметных затрат энергии. В центре столицы авторитет криминала стоял выше, чем кого угодно другого, и сопротивления его представители почти не встречали.

Ну, это их проблемы – таков был вывод Кошелька. Сам он предпочитал операции другого рода: вылезать не часто, но по-крупному, если уж брать, то брать побольше. И дело, на которое он шел сегодня, обещало стать именно таким.

Уже само название дома обещало успех: Старческий Дом был, иными словами, просто богадельней – так рассуждал Кошелек. Старики же, перебираясь в это последнее, надо полагать, жилье, забирают самое ценное и портативное из всего, что успели нажить за долгую жизнь. Конечно, в нормальное время их барахло вряд ли бы котирировалось, но в такие поры, как нынешняя, когда самые серьезные ценности уже прибрали к рукам воюющие стороны – прежде всего генералы и офицеры, да и солдатня – те, что порасторопнее, и не только прибрали, но и, возвращаясь в свои миры, постарались увезти с собой, – в нынешние времена не приходилось пренебрегать ничем, что могло иметь рыночную стоимость.

Кошелек был не ассаритом, но одним из тех воинов Десанта Пятнадцати, кто предпочел не возвращаться в родной мир, а остался здесь – по крайней мере, на какое-то время, пока дома определенные службы перестанут проявлять неприятный интерес к некоторым деталям его биографии. Впрочем, даже эта информация о Кошелеке являлась не вполне точной, потому что, будучи и на самом деле солдатом Десанта Пятнадцати, он не был гражданином ни одной из этих планет. Но родился и большую часть жизни провел в мире, никакого участия в суеде вокруг Ассарта не принимавшем и занятом целиком своими проблемами.

Имя этого мира – Альмезот.

На этой планете, достаточно отдаленной от той области Мироздания, в которой находится и Ассарт, и все прочие

упоминавшиеся нами миры, Кошелек некоторое время вел тот образ жизни, какого продолжал придерживаться и здесь; правда, в более крупных масштабах. Однако условия для его деятельности там в последние годы ухудшались с такой быстротой (поскольку он поссорился с кем-то из тамошних авторитетов), что он счел за благо сменить место жительства и уже обдумывал, каким образом осуществить это будет проще и надежнее всего. У него были основания полагать, что с легальным выездом возникнут затруднения, поскольку имя его было уже достаточно известно властям, и лишь высокое умение позволяло ему избегать неприятных встреч и разговоров с представителями определенных служб государства, когда и до далекого Альмезота добрались вербовщики Пятнадцати миров, вносившие свою лепту в подготовку Десанта. Кошелек сразу же сообразил, что более надежного способа покинуть родину ему не представится. Завербованных из этого мира отправляли с легкостью, справедливо считая, что к сливкам общества они никак не относятся, а являются шантрапой, от которой избавиться – святое дело, тем более – за чужой счет. Это не означает, что Альмезот был миром бедным; совсем наоборот. Но считать деньги и там умели – и, пожалуй, лучше, чем в других местах.

Вот так, тихо-мирно, Кошелек оказался на Ассарте, где, правда, некоторое время не было ни мирно, ни тихо. Однако здоровый инстинкт самосохранения помог наемнику выжить, отделавшись парой царапин, а опыт жизни на Альме-

зоте – быстро создать вокруг своего имени даже некоторую уголовную легенду, которая если и не вполне соответствовала истине, то, во всяком случае, немало способствовала его авторитету среди коллег и страху, какой стало испытывать к нему подвальное население великого города Сомонта.

А пока мы неторопливо излагали, так сказать, жизнеописание нового для всех участника предстоящих событий, он успел без помех, разве что разок-другой споткнувшись в густой темноте в особо неудобных развалинах, приблизиться вплотную к дому, обойти его, найти вход, с легкостью одолеть пять ступеней, что вели к двери, затем убедиться в том, что она не заперта и вообще никак не подстрахована от нежелательных посещений, а далее – мельком ощутив даже некоторое сочувствие к престарелым и потому беспомощным обитателям уединенного жилища – отворить эту дверь, сделав это достаточно бесшумно, и наконец завершить свое путешествие, оказавшись в длинном и неожиданно совсем неплохо освещенном коридоре. И даже сделать по нему первые и вовсе не робкие шаги, распахнуть первую попавшуюся дверь и увидеть наконец живого старика. А еще даже не успев увидеть, громко и выразительно проговорить заранее заготовленное:

– Дедок, не умирай со страху. Отдай тихо, спокойно все, что денег стоит, и живи дальше припеваючи.

Самые последние слова не были заготовлены впрок, а возникли в тот миг, когда он перешагивал через порог, потому

что, уже отворяя дверь, Кошелек услышал легкий перебор струн и голос, напевавший какую-то мелодию без слов, показавшуюся налетчику дикой, до того она не походила ни на ассартские, ставшие уже привычными песни, ни на альмезотские, памятные с детства.

Но недаром говорится: лучше один раз увидеть, чем сто – услышать.

Он увидел спину.

Может быть, у него со зрением что-то сделалось или вообще чувства расстроились, но в первый миг Кошелек своим глазам просто не поверил. Уж больно эта спина не отвечала представлениям о старости, слабости, сыплющемся безостановочно песочке...

Спина была невероятной. Так показалось Кошельку. Она заслоняла собой всю комнату, и не потому, чтобы помещение было таким уж узким; нет, эта спина была совершенно неправдоподобной ширины, и плечи сидевшего упирались в стены – во всяком случае, именно так это представилось вошедшему.

Она напоминала макет сильно пересеченной местности – такой ее делали бугры мускулов. Кроме того, спина эта густо поросла волосами и очень походила на дикий лес, видимый с высоты птичьего полета, – только не зеленый, а осенний, порыжевший. Ох, не старческая это была спина, и если бы знать это заранее...

– Простите, я, кажется, ошибся... – только и придумал

пробормотать Кошелек, одновременно делая шаг назад. Инстинкт самосохранения сработал вовремя.

А спина уже пришла в движение. Торс начал неторопливо поворачиваться. Над ним закрытый длинными густыми волосами затылок уступил место профилю. Очень выразительному, с коротким, как бы приплюснутым носом, мощным надбровием и приоткрытым ртом, позволявшим убедиться, что с зубами у предполагаемого старца все было более чем в порядке. Глаза сидевшего еще не смотрели на Кошеля, но ему уже показалось, что он увиден, внимательно рассмотрен и чуть ли не разобран на части и снова собран. Странно, но грабителю даже в голову не пришло воспользоваться оружием; напротив, пальцы его разжались, и смертоносный механизм упал на пол со страшным, как показалось, грохотом. Хорошо еще, что предохранитель не позволил прозвучать выстрелу, а то стало бы – Кошелек понял интуитивно – совсем скверно.

Он отступил еще на шаг. Выйти в коридор – и бежать отсюда, бежать, не оглядываясь. А потом найти того, кто дал ему эту якобы верную наводку, и разобраться с ним. Вот только оружие оставлять тут не стоит: без него можно и не попасть домой, Кошелек не один промышляет ночами в городе...

Он нагнулся. И взлетел. Не по своей воле. Кто-то сзади придал ему немалое ускорение, наподдав, скорее всего, коленом под любезно подставленную часть тела. И Кошелек,

нарисовав в воздухе четкую траекторию, приземлился прямо на колени успевшего уже повернуться к нему фасом волосатого музыканта. Точнее, не собственно на колени, а на лежавшую на них музыкальную штукювину со струнами, что-то из древних времен, похоже. Инструмент жалобно крикнул, Кошелек попытался было вскочить, но тяжелая рука любителя странных мелодий не позволила – нажала сверху, и рыцарь с большой дороги оказался распластным на могучих коленях в позе, как бы специально предназначенной для исполнения телесного наказания. И Кошелек успел подумать, что это, вероятно, было бы самым приемлемым выходом из положения.

Но воздаяние, похоже, откладывалось. Вместо того чтобы начать порку, музыкант спросил – не Кошелька, а, видимо, того, кто помешал гостю ускользнуть, не прощаясь:

– Это ты его привел, Рыцарь? Ты молодец. Видишь – я не зря был уверен. Вот наша проблема и решилась сама собой.

Сказано было не на ассарте, а на линкосу. Но Кошельку этот язык был знаком, как и всякому, кто в своей жизни успел побывать на многих мирах.

– Пфуй! – был ответ. – Он просто застрял в дверях и мешал мне войти. Я немного не рассчитал и, боюсь, повредил твою гитару. Питек, это простой грабитель. Который у нас по счету? Шестой?

– Восьмой, – ответил названный Питеком. – Шваль. Но этот нам как раз очень пригодится. Помнишь, из тех поло-

вина были местные, трое остальных – невозвращенцы с занюханных миров, которые нас не интересуют. А вот этот – совсем другое дело.

– Что же в нем такого?

– А то, – ответил Питек, – что он родом как раз оттуда, куда нам и нужно прибыть. Это большое дело. К тому же посмотри, какое тельце: первый сорт! Одна задница чего стоит. Иеромонах будет очень доволен.

– Не надо! – простонал Кошелек. Ему стало не по себе, потому что монахи, по его представлению, все поголовно были извращенцами. Говорить ему было трудно: рука по-прежнему прижимала его к коленям, а какой-то кусок расплюсченной гитары больно колот в живот. – Я вам ничего не сделал!

– Это и плохо, – отозвался Рыцарь. – Для нас, а еще более – для тебя самого. Ничего, мы дадим тебе такую возможность.

– Я сделаю! Только скажите – что!

– Сказать? – вслух подумал Рыцарь.

– Большой беды не будет, – согласился Питек. – А вообще-то, Пахарь уже тут. Пусть скажет сам: подходит ему такая фигура?

Несколько секунд стояла тишина, даже Кошелек старался дышать беззвучно, он ощущал, что сейчас с ним произойдет что-то очень для него важное, и мысленно молил непонятно кого лишь о том, чтобы это предстоящее оказалось не самым крутым.

– Говорит – для начала сойдет, а если чего и не хватает, то он его научит.

– Интересно, – проворчал Рыцарь, и в этом слове явственно прозвучала обида. – Почему это он все только с тобой разговаривает, а мы что, для него уже не люди? А, Пахарь? Ответь, чтобы была у нас полная ясность перед работой.

Ненадолго тишина вернулась. Но Уве-Йорген не был настроен на продолжительное ожидание. И хмуро заявил:

– Молчит. Мне это не нравится. Команда должна быть единой, иначе...

– Да говорит он! – вместо Пахаря ответил Питек, не скрывая усмешки. – Даже кричит. Только вот ты его не слышишь.

– Вот как. А ты слышишь?

На этот раз Питек ответил уже серьезно:

– Тебе бы родиться в мое время – и не было бы у тебя таких проблем. В те дни мы с ними – с такими, кто ушел, – разговаривали свободно. И считали себя одним с ними народом. Потому и осталась у меня такая способность. Гибкая Рука тоже что-то воспринимает – хотя и куда меньше моего. А вы, поздние, такое свойство потеряли, как и много чего другого. Так что не тебе на него обижаться, скорее ему на всех вас. Все, давайте работать. Ты, парень...

Закончить фразу ему не удалось. Воспользовавшись тем, что общее внимание было привлечено к дискуссии, а Питек, ранее крепко удерживавший его, не мог говорить, не жестикулируя (эта привычка тоже сохранилась у него с той неопре-

деленно-глубокой древности, откуда пришел и он сам), Кошелек, рванувшись, скатился с Питековых колен, шлепнулся на пол, мгновенно вскочил на ноги и вылетел в коридор со скоростью спринтера, стартующего на стометровую дистанцию. Бросившийся за ним индеец сразу отстал самое малое метра на три, и трудно сказать – смог бы догнать преследуемого, однако это и не понадобилось: сделав еще четыре шага, грабитель внезапно остановился, словно налетев на невидимую стенку, взмахнул руками, упал, раз и другой дернулся, словно в эпилептическом припадке, вытянулся на полу в струнку и затих. Но только на мгновение; затем медленно сел, покачал головой, пошевелил плечами, встал и сказал:

– Ну, все в порядке, люди: я с вами. Ничего, удобное тело, хотя могло бы быть и попросторнее. Ладно, я его разношу. Ну что – в путь?

– Ты, иеромонах? – спросил Рыцарь с некоторой опаской в голосе.

– Я самый, – прозвучал ответ, – привыкай, Рыцарь, отныне таков мой облик согласно, полагаю, соизволению Господа.

– А с тем ты что сделал? – поинтересовался молчавший до тех пор Георгий.

– Да просто выдавил его из тела, все его тонкие, силенок-то у меня поболее. Он тут и останется, пускай побудет до времени непогребенным, посторожит дом, может, захотим когда-то сюда вернуться.

– Произвел его в призраки?

– Не я это придумал, – ответил иеромонах строго. – Однако теряем время, люди. А капитан, надо думать, ждет. Как полагаешь, Рыцарь?

– Так же. Место встречи нам указано. Все готовы?

Утвердительные ответы слились в единый звук.

В следующий миг Старческий Дом опустел – впрочем, теперь куда вернее было бы именовать его Домом с привидением.

3

Я огляделся. Похоже, никто другой, кроме полицейского, еще не обратил на меня внимания, во всяком случае, среди людей, которых перед вокзалом становилось все больше, не возникло никакой тревоги, ни один даже не посмотрел в мою сторону – видимо, каждый прохожий был предельно занят самим собой, а может быть, и перипетиями готовящихся – а возможно, уже идущих – соревнований. Такое невнимание к моей персоне меня вполне устраивало, только жаль, что оно не было совершенно всеобщим.

Не дожидаясь, пока полицейский подойдет вплотную, я отошел в сторону и оказался, как я полагал, под защитой круглой афишной тумбы – впрочем, она могла быть и вентиляционным выходом подземки (в таком городе подобный транспорт просто обязан был существовать) или одного из транспортных туннелей. Я стоял, прижимаясь к тумбе (она

мелко вибрировала; значит, внизу и в самом деле проходила транспортная магистраль), за спиной у меня по-прежнему находился вокзал. Первой мыслью было – скорее укрыться в нем. Но этот вариант я тут же отверг: внутри (я видел это сквозь громадные, до самой земли, окна) сейчас было немногочисленно, так что затесаться в толпу и исчезнуть мне не удалось бы, да и толпа не приняла бы меня, отвергла, как инородное тело. Вот бы их самих, снова крайне неуважительно подумал я о тех, кто снаряжал меня в этот поход, на мое место. Тогда они представили бы себе, что значит оказаться заброшенным в неизвестный мир без малейшего обеспечения. Хотя я и понимал, что перебросить наиболее кратким путем меня – одно дело, а снаряжение такой пересылке не поддается, если тут нет установки для его приема. Мне пришла в голову мысль совершенно еретическая: технологическая цивилизация – хотя бы вот эта самая, в которую я сейчас попал, – справилась бы с такой задачей намного успешнее, чем Ферма. Я эту мысль прогнал, потому что она в самой основе была неверной.

Отвергнув на время вокзальный вариант, я обратил внимание на тумбу, послужившую мне укрытием, хотя и ненадежным. Это было массивное сооружение метра полтора в поперечнике, высотой примерно два с половиной, так что крыши я не видел; скорее всего, там была просто решетка, если постройка действительно служила для вентиляции. Что касается дна, то его там могло вообще не оказаться. Но я в

это не верил: все традиции подобных цивилизаций требовали максимального использования любого пространства – и естественного, и созданного искусственно. И вряд ли внутренность такого тубуса могла пропадать втуне. Так что если попасть туда, то можно будет на чем-то пристроиться и хотя бы обсохнуть: поток воздуха снизу никак не может быть холодным, наоборот – из туннеля отводится неизбежно возникающее там тепло. Все верно, вопрос только в том, можно ли туда попасть извне, и если можно, то каким именно способом. Конечно, все эти рассуждения сильно отдают примитивной логикой, но именно такая чаще всего и выручает. Так говорит опыт.

Такой опыт, правда, порой подводит, но не на сей раз. Оказалось достаточно сделать, по-прежнему прижимаясь к тумбе, шаг влево, чтобы оказаться прямо перед дверцей, чьи размеры указывали на то, что предназначена она для людей, никак не для крыс или кошек. Я осторожно постучал по ней костяшками пальцев. Металл. Все правильно. И даже ручка есть для удобства пользователя. Я подергал, ожидая, что дверь окажется запертой. Примитивная логика и тут не подвела: так оно и было. Вот и узенькая прорезь для ключа – электронного, конечно. Прекрасно. Будь запор механическим, понадобилась бы отмычка, а ее при мне, понятно, не было. Ну а что касается электронного... Вы даже не представляете, как много полезного для понимания полей и пользования ими предоставляет даже не самое серьезное образо-

вание из тех, какие дает Ферма.

Потребовалась минута полного сосредоточения, чтобы за-
пиралка покорно уступила. Но именно полного, когда цели-
ком отключаешься от окружающего мира. В этом есть опре-
деленная опасность: в такие мгновения тебя могут взять го-
лыми руками.

Так оно и получилось. Правда, не до конца.

Я уже распахнул дверцу, окинул открывшееся круглое
пространство и убедился, что там есть и пол – крупночеи-
стая решетка, – и воздушный поток снизу, приятно теплый,
и какой-то инвентарь...

Какой – разглядеть я не успел. Потому что на плечо мне
опустилась тяжелая рука. И уже слышанный однажды хрип-
ловатый полицейский голос задал вполне естественный во-
прос:

– Эй, парень, чем это ты тут занят?

– Да вот... – ответил я, резко поворачиваясь к нему. На
лице его не было приветливой улыбки, а в глазах и не ноче-
вала доброжелательность.

Впрочем, это мне и не требовалось. Словно начиная та-
нец, я обнял его; это оказалось для него совершенно не ожи-
данным. И сделал шаг назад, то есть внутрь тумбы, увлекая
его за собой. Он не успел применить какую-то защиту: сей-
час моя реакция была куда быстрее. Внутри я с силой толк-
нул его к стене; тут он успел наконец занести руку с дубин-
кой, но было уже поздно.

Вообще-то, ничего неожиданного не произошло. Менее чем через минуту дверца тумбы снова распахнулась, полицейский вышел из нее и аккуратно затворил за собой. Внутри, кроме табельных совков и метел, осталось кое-что сверх положенного: физическое тело капитана Ульдемира и вся шестерка тонких тел блюстителя порядка; последние находились в полной растерянности, поскольку до сих пор как бы и не подозревали о собственном существовании и поэтому не могли предпринять никаких активных действий – даже явиться кому-нибудь во сне.

4

Где в первую очередь следует искать людей, в чьей жизни духовное преобладает над всем остальным? Вот о чем размышлял Ульдемир, покинув круглую тумбу у вокзала. Ответ напрашивался сам собой: среди людей духовного сословия, именно их принято считать обладателями самых положительных человеческих качеств. Хотя на Ферме в этом сомневались.

Самым же светлым и образцовым из них (хотя этой информацией капитан еще не располагал) принято было считать, безусловно, главу господствующего на Альмезоте вероучения – Церкви Единого Храма, иными словами – святейшего омниарха, обладателя, как принято говорить, качеств человеческих и надчеловеческих. Впрочем, подобными ка-

чествами люди вообще любят наделять своих руководителей, и вовсе не только духовных.

Но и в самом деле, омниарх Альмезота, похоже, соответствовал распространенному представлению о нем. Невзирая на возраст, еще далекий от преклонного или хотя бы очень зрелого, – а был он, как говорится, в расцвете сил, – высокий иерарх был чужд мирским интересам, скрупулезно соблюдал все данные на протяжении жизни обеты и правила, собственности и капиталов не имел и к ним никогда не стремился, но жил отшельником, на людях появлялся не часто, интересы его были лишь интересами духа. То есть служил Господу так, как, по его представлениям, следовало. Большинству из вас подобное служение чуждо, поэтому придется поверить нам на слово, когда мы скажем, что служение это – вовсе не синекура, а тяжкий труд, и не всегда только лишь духовный. Храм существует в реальном мире, и потому постоянно приходится решать и множество задач чисто мирского характера. Впрочем, кто возьмется определить, где кончается одно и начинается другое?

Вот и в те мгновения, когда мы берем на себя смелость заглянуть в апартаменты его святейшества, он занимается делом скорее мирским, житейским, хотя оно связано и с Храмом, но кроме него – со всем Альмезотом. А именно – омниарх еще и еще раз вдумывается в только что полученное им сообщение. Оно было, конечно, изложено не на бумаге и не на кристалле, вообще не на каком-то материальном но-

сителе, но и передано, и принято лишь на волнах духа – в том поле, в существовании которого многие и сегодня еще сомневаются. И сейчас его святейшество видит присланную ему информацию лишь внутренним зрением, отчего она во все не становится менее значимой.

Нам же для ясности придется все-таки доверить этот текст бумаге, на которой он примет следующий вид:

«Статус Контрольного эксперимента для Альмезота под-
вергнут сомнению. Продолжение поставлено под вопрос. Для усиления оппозиции к вам направляется иными Силами негласная миссия в составе шести человек, наделенных возможностями третьего, а в исключительных случаях даже второго уровня. Сделайте выводы и примите меры, какие сочтете нужными. Сообщите срочно, обнаружены ли уже последние из людей, мешающих выполнению задачи. Возможно, следует использовать специальную группу».

Подписи, как видите, нет, но не случайно, а потому что адресат и сам прекрасно знает, откуда пришло сообщение.

Сделать выводы нетрудно. Они очевидны: шесть человек – это не катастрофа. Конечно, с теми возможностями, какие им предоставлены, они способны на многое. Но далеко не на все. Тем более что здесь они не смогут получать какую-то помощь извне.

Ах, Ферма, Ферма! Ты еще на что-то считаешь? Доколе же...

Но не следует отвлекаться. Нужно принимать меры, пока

дело не зашло слишком далеко. Пресечь диверсию – иначе это никак не назовешь – в самом начале.

Эту шестерку – обезвредить. Нейтрализовать. Подменить своей группой – той, которую предлагает полученное послание. И уже она станет разыскивать еще живых людей, препятствующих Задаче, хотя и не для того, чтобы спасти их; и одновременно информировать Ферму о результатах своей деятельности. Результаты будут такими, какие нужны нам, а не им. И вопрос закроется сам собой.

Единственное слабое место в этом плане – фактор времени.

Та шестерка уже в пути. А может быть, уже здесь, на Альмезоте? Нет, маловероятно. Автор сообщения никогда не медлит, а сведения получает немедленно после их возникновения. Значит, гости появятся не сегодня-завтра. Следовательно, действовать надо одновременно в двух направлениях.

Первое: немедленно вызвать группу: шесть операторов – лучших из имеющегося в распоряжении этих Сил материала. Людей, с которыми уже приходилось сотрудничать раньше.

И второе: сейчас же усилить контроль над всеми транспортными каналами, официальными и неофициальными, – это раз. Перехватить людей Фермы, едва они появятся в этом мире, – два. И держать до прибытия группы. Которую сразу же направить... куда? Конечно, в обитель Моимеда, где обитает и сам омниарх в тех случаях, когда покидает свой скит,

чье местоположение неведомо никому. Пусть там будет их база. Приора обители немедленно предупредить.

Святейший омниарх расслабился. Закрыв глаза. Вошел в канал связи. К Силам пошли подтверждение и просьба. И были получены в тот же миг.

5

Теперь стало возможным передвигаться по городу, не опасаясь неожиданностей. Так, во всяком случае, мне тогда подумалось. После чего, убедившись, что дверца тумбы оказалась надежно запертой, я направил мое новое тело к ближайшей из вокзальных дверей. Я старался шагать неторопливо и уверенно; это не требовало особых усилий: достаточно было позволить телу действовать в привычном режиме, никак не следовало сразу же навязывать ему свои стереотипы поведения, но приучать его к ним постепенно, не ломать, а гнуть. Исключения могли возникать лишь в каких-то чрезвычайных обстоятельствах.

Вошел. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, почему обширный зал снаружи казался пустым. На самом деле людей тут было не так уж мало – и тех, кто ожидал посадки на свой возок, и пришедших встречать, и просто спасавшихся от только что отшумевшего ливня. Однако все они не рассеивались по пространству более или менее равномерно, как это обычно бывает, но собрались в две плот-

ные группы в противоположных концах — у торцевых стен продолговатого зала. Обе эти стены были оснащены громадными экранами, и сейчас на обоих демонстрировалась игра, а вернее, две разные встречи, и люди увлеченно наблюдали за ними. Мое новое тело сразу же выказало намерение примкнуть к одной из зрительских групп, а именно — к левой; видимо, полицейский был заядлым болельщиком одной из команд. Откровенно говоря, я не стал бы препятствовать этому подсознательному движению: люблю спортивные зрелища, если даже игра мне незнакома. Приятно бывает понемногу расшифровывать смысл действий и правила, по которым они производятся, раскрывать для себя эстетику этой игры, заражаться ее азартом, и так далее. Но сейчас мне куда нужнее были хотя бы несколько минут спокойного одиночества для того, чтобы проанализировать возникшее осложнение, попытаться обнаружить и его корни, и возможные пути развития. И я заставил тяжелые полицейские ноги нести меня по прямой к противоположной стене, где между множеством билетных касс, принадлежавших, видимо, разным транспортным компаниям, был свободный простенок, в который выходила дверь из служебных, как видно, помещений, и там стояли два кресла, сейчас пустовавших; на большее уединение рассчитывать не приходилось. Я прошел, не привлекая ничьего внимания, неспешно уселся, принял расслабленную позу, глядя словно бы в потолок, а на самом деле сканируя зал, чтобы убедиться в своей безопасности. Ничто не

изменилось, никто не направился ко мне, даже не повернул головы в мою сторону: на обоих экранах события – судя по зрительскому шуму – принимали драматический характер, и отдыхающий полицейский никак не мог отвлечь внимание болельщиков. Можно было заняться своими проблемами.

В первую очередь я стал знакомиться с содержимым карманов полицейского мундира – если только можно назвать этим словом пятнистую серо-коричневую куртку. Что имеем? Круглый металлический диск с отштампованным изображением чьей-то головы – не человеческой, больше всего она смахивала на голову дракона. Символ? Хотя, может быть, для них здесь это – нормальная фауна. Видимо, это знак полицейской власти; во всяком случае, на нем выбит шестизначный номер; знаки не похожи на знакомые мне земные цифры, но вложенное в меня знание помогает разобраться в них без труда. Ладно, усвоили. Что еще? Плоский кошелек, в нем – полдюжины твердых карточек, все – разного цвета, на каждой изображено какое-то здание, изображение не повторяется. Карточки почему-то достаточно толстые – не менее полутора миллиметров, и по краю каждой идет нарисованная, похоже, клавиатура. Скорее всего, это местные деньги. Разного достоинства: число клавиш колеблется на разных карточках от пяти до девяти. Можно понять, но это пока трогать не будем. Постой, но та женщина на моих глазах передала полицейскому что-то, что я принял за кредитку. Где?.. Ага, вот это. Я развернул плотную, вчетверо

сложенную бумажку явно не растительного происхождения. Нет, это не деньги, а записка. Проявим нескромность, простительную в такой обстановке. Ну-с? «Не волнуйся, ты его не потерял, оно у меня. М.». Интересно, но непонятно. Больше в карманах не нашлось ничего заслуживающего внимания. Три ключа в футлярчике, два пакетика – похожие на тот, что он передал женщине. Я на всякий случай понюхал, они не пахли ничем. Не очень-то богатая информация. Но все лучше, чем ничего.

Ладно, теперь можно вплотную заняться анализом ситуации.

Вернее, можно было бы, если бы не...

Нет, эта женщина воистину существовала на свете для того, чтобы постоянно нарушать ход моих мыслей. Потому что именно она снова оказалась рядом со мной – воспользовавшись, скорее всего, тем, что неожиданный всплеск интуиции заставил меня на считанные мгновения ослабить восприятие окружающей обстановки. Мало того, что она подошла, скорее даже подкралась, незамеченной, она к тому же бесцеремонно уселась на подлокотник моего кресла, хотя по соседству имелось совершенно такое же, но свободное. Она еще и прижалась ко мне, насколько позволяла поза, и провела ладонью по бобрику моих – теперь моих – волос и сказала очень негромко и очень ласково:

– Не проспй: Малиретский на подходе, пора к перрону.

Я отреагировал не сразу – в смысле «тонкий Я», первым

встрепенулось тело. На ее прикосновение оно ответило адреналиновой атакой, безошибочно показавшей, что на эту женщину у него была устоявшаяся и сильная реакция, совершенно недвусмысленная. Но уже прозвучали другие ее слова, на этот раз интонация была тревожной:

– Тебе плохо? Что с тобой?

– Нет, все хорошо. – Дольше молчать было просто нельзя, но и за каждым своим словом требовалось следить. Потому что хуже не бывает, чем встретиться в такой обстановке с человеком, хорошо знающим тебя прежнего, знающим до мелочей, тебе новому совершенно неизвестных. Хорошо, что необходимость встретить прибывающий возок исключала возможность долгого разговора. – Спасибо, что разбудила. Я тут угрелся...

Я отстранил ее, стараясь, чтобы движение не показалось грубым. Встал. Она (как он называл ее, мой предшественник? Вега? Вира? Нет: Вирга. Хорошо, что вспомнил) встала тоже, пытаясь посмотреть мне в глаза; я отвел взгляд, как бы внимательно осматривая зал перед тем, как пересечь его. Вирга сказала озабоченно:

– Что-то все-таки не так с тобой. Ты даже не рад.

Я невольно глянул на нее вопросительно. Она улыбнулась:

– «Динозавры» выиграли! Ты что – и это проморгал? Нет, ты точно болен.

Я успел уже проглядеть светящееся табло на противоположной стене, над выходами на перрон. До прибытия транс-

порта из Малирета оставалось что-то около полутора минут.

– Я совершенно здоров. Прости, Вирга, пора.

– Я тоже выйду. Не бойся: конечно, не с тобой. Через час, да? Как обычно?

Я кивнул:

– Само собой.

И, поигрывая дубинкой, направился к выходу, куда уже потянулись и те, кто пришел встречать, и другие – кому предстояло вскоре занять места, чтобы отправиться в противоположном направлении.

Интересно, что я должен буду сделать через час? Люди ломают шею, как правило, на непредусмотренных мелочах. Хотя, как известно, случайностей в чистом виде на свете не существует, но на этот раз я словно бы стал для них центром притяжения. Совершенно излишняя роскошь.

Ладно. Этот час тоже надо еще прожить.

Глава 3

1

Иерархию придумали не люди. Она как бы сама собой возникает везде, где количество действующих субъектов превышает единицу, даже и в том случае, если они почти совершенно идентичны. Появляется то ли вследствие объективного преимущества одного над другими, пусть и частного, одностороннего, то ли просто по уговору, потому что в ином варианте совместные целенаправленные действия оказались бы невозможными. А раз возникнув, неизбежно порождает большее или меньшее неравенство действующих субъектов в правах и возможностях, вследствие чего обозначаются всякие, большие и малые, сложности.

Как можно было заметить, для капитана Ульдемира проблемы перемещения на сей раз просто не существовало, поскольку его без затруднений перебросили одним из тех способов, какие имелись, имеются и всегда будут иметься в распоряжении таких подсистем, как, например, Ферма, не говоря уже о более высоких уровнях Бытия. С точки зрения нашего восприятия, такие перемещения мгновенны и не сопровождаются никакими зрительными, акустическими и

прочими эффектами, поскольку Высшим силам реклама не нужна в силу того, что у них не имеется конкурентов. Его просто передвинули из одной точки Мироздания в другую, и все. Подобно тому как на шахматной доске, представляющей собою образец двумерного пространства, фигура для плоскостного наблюдателя вдруг бесследно исчезает, чтобы тут же оказаться уже совершенно на другом поле, возникнув как бы из ничего. Так и произошло с Ульдемиром, который на сей раз был возведен уже в ранг фигуры, пусть и легкой. Но вот члены его экипажа существовали еще в качестве пешек — и то лишь тогда, когда их ставили на доску, а в других случаях они считались как бы не участвующими в игре и потому не пользовались даже правом передвижения на одно поле, поскольку такое право дается лишь Игроком, но никак не другими фигурами, пусть даже самыми старшими. А это означало, что добираться до Альмезота им предстояло точно так же, как и любой другой группе людей, пускающихся в путь на свой страх и риск. Такие способы, естественно, существуют, и не в единственном числе. Иными словами, перед экипажем неизбежно должна была возникнуть, и действительно возникла, проблема выбора.

Как известно, для перемещения из одного мира в другой (или между звездными системами, или галактиками) существует несколько способов. Тот из них, о котором говорилось выше, то есть перемещение из любой точки в любую без помощи каких-либо технических ухищрений, сразу же выве-

дем за скобки, поскольку он существует только для Сил, а для людей планетарного уровня его как бы просто нет. Можно пользоваться кораблями. Это, пожалуй, наиболее надежный способ и к тому же самый дешевый (что немаловажно), но зато и крайне медленный, потому что, во-первых, немало времени уходит на разгон в пространстве перед прыжком из обычного пространства в Простор, затем время (пусть и не очень большое) тратится на маневры в Просторе, и, наконец, после выхода из прыжка опять-таки в нормальное пространство время расходуется на коррекцию пути и торможение. Другая возможность – пользоваться вневременкой, в свое время это называлось телепортацией, иными словами – способом мгновенного (по человеческим представлениям) переноса. По быстроте этот способ можно сравнивать с уже описанной выше методикой, применяемой Силами, но с существенными оговорками, помимо уже приведенных. Они заключаются в том, что если Силы гарантируют абсолютную и полную безопасность и точность перемещения, то ВВ, эта самая вневременка, как и любой другой продукт людской мысли и умения, подобных гарантий дать не в состоянии, а если и делает это, то врет. Все зависит от маршрута. Есть достаточно большое количество накатанных, как говорится, путей ВВ-переноса, а именно – в те точки пространства, где существуют и исправно работают стационарные ВВ-станции с опытным и надежным персоналом, современным оборудованием, находящиеся под постоянным контролем ВВ-реги-

стра. Тут безопасность и точность доставки гарантируется до 92 процентов, и в этом, в общем, большой натяжки нет. Почему не стопроцентно? Потому хотя бы, что перенос происходит в какой-то среде, о которой мы, люди, и по сей день точно ничего не знаем, хотя гипотез и существует не менее дюжины; наиболее убедительной из них нам представляется та, что предполагает, что мы при осуществлении таких операций проникаем в пространство Холода. Об этом пространстве и заполняющей его материи мы знаем лишь то, что они существуют, и догадываемся о том, что релятивистские законы там хождения не имеют, иначе само явление ВВ оказалось бы невозможным. А вот что за законы там действуют и какие в соответствии с ними протекают процессы, у нас нет ни малейшего представления. Это пространство – гигантский черный ящик; мы точно знаем, что туда вводим, и знаем, что получаем оттуда, – в девяноста двух процентах случаев. А что приключается в остальных восьми, думаю, если и узнаем, то не очень скоро – и слава Творцу, что не скоро. Дети обожают зажигать спички, поэтому неразумно было бы подпускать их к пороховому складу.

На людей эти проценты не очень-то влияют: они пользовались и будут пользоваться ВВ, и все тут. Дорога требует жертв. Всякая. Люди гибли, когда лошади переставали слушать седаков и несли; когда сталкивались или падали под откос поезда; переворачивались, сминались в гармошку или взрывались автобусы и автомобили; тонули корабли и паро-

ходы; сыпались самолеты; горели или разгерметизировались или врезались в атмосферу, не погасив скорость, космические летательные аппараты. Но это не могло заставить людей – и, боюсь, не заставит и впредь – вернуться к пешему хождению как к основному способу передвижения. А жаль, откровенно говоря.

Но все это относится, между прочим, лишь к хорошо натоптаным, как уже говорилось, тропам. Однако – и об этом опять-таки было упомянуто – тропы эти пролегают лишь между надежными, хорошо отлаженными приемно-передающими ВВ-станциями. Известно, что такие существуют по большей части в мирах технологически развитых, активно участвующих в экономических (и политических, естественно) процессах обитаемой вселенной, в мирах если и не богатых, то, во всяком случае, неплохо обеспеченных хотя бы потому, что ВВ-техника – вещь пока что весьма дорогая, купить и установить станцию обходится в сумму, соизмеримую с бюджетом даже не очень бедного, но средней руки мира. Ясно поэтому, что ими пользуются менее чем на половине обитаемых планет, даже если учитывать те станции, что устанавливались при царе Горохе, где оборудование давно выработало свой ресурс и потому включается лишь по большим праздникам.

Из сказанного напрашивается вывод: ВВ-сообщение возможно лишь с ограниченным числом существующих и обитаемых миров. Сделаем же такой вывод – и убедимся, что

попали пальцем в небо.

Потому что процент безопасности – одно, а человеческий характер – нечто совершенно другое. Человеку всегда свойственно идти на риск, если есть основания полагать, что при этом можно добиться какой-то выгоды: политической, экономической, хотя бы просто моральной (которая, впрочем, в большинстве случаев так или иначе связана с обеими упомянутыми). А еще он обладает великолепной способностью верить в то, что беда может приключиться с кем угодно, но никак не лично с ним, поскольку именно он является центром Мироздания, и случись что-то с ним – мир обрушится, погибнет, и что Господь этого не допустит. Однако у Господа таких умников ох как много, и Ему, а не им, дано выбирать, вязать и разрешать. Но эти мысли приходят обычно слишком поздно. А пока они не появились, человек готов идти на риск. При этом допустимая доля риска у каждого своя, и если у одного она равна пяти процентам, то у другого выразится если не в девяноста, то уж в восьмидесяти пяти наверняка. И вот вследствие этого и возникает такое интересное явление, как чартерная ВВ.

Что это такое? Как правило, не очень большая частная ВВ-транспортная компания (хотя есть основания полагать, что на самом деле они давно уже трестированы), располагающая скромным – от одной до шести-семи – количеством ВВ-установок. За определенную, прямо сказать, немалую плату компания готова запустить вас в любом направлении по ва-

шему выбору; в том числе и в такие места, где – официально – никаких приемных станций не существует. От клиента требуется только, воспользовавшись лишь малым (в своей системе), средним (в пределах Галактики) или большим (обозримая Вселенная) глобусом, найти в его объеме ту микро-точку, в которую вам угодно попасть. Остальное фирма берет на себя. Каким образом она ухитряется доставить человека туда, где нет (якобы) никакой техники для того, чтобы принять, то есть реализовать его, остается глубокой тайной всей этой полулегальной системы. Разумеется, было множество попыток докопаться до нее, но по сей день ничего не получилось. Как мы предполагаем, причина неудач вовсе не в такой уж прямо-таки сверхъестественной преданности сотрудников своим фирмам (хотя деньги предлагались очень большие). Дело куда проще: они ничего не знают. Секрет – если он вообще существует – известен, быть может, двум-трем лицам во всем обитаемом мире, а кто они и как до них добраться – никому не ведомо, хотя были серьезные исследования тех путей, по которым уходила (и уходит) вырученная прибыль. Все пути исправно приводили в тупик, упирались в глухую стену. Так-то вот. Если же вас интересует наше скромное мнение по этому поводу, то нет причин скрывать его. Пожалуйста, вот оно: на самом деле никакого секрета нет, а есть нелегальные станции в тех мирах, где они официально не зарегистрированы, туда людей и пересылают. Почему эти станции существуют на нелегальном положении,

почему власти тех миров, где они располагаются, не легализуют их или не закроют (как этого требует закон)? Да по той простой причине, что это было бы не выгодно ни властям, ни фирмам. Властям – потому что они взимают со станций некий неофициальный налог, который нигде в документах не проходит и потому никаких отчислений в пользу Федерации с этого дохода не производится. Фирмам же выгодно потому, что взносы властям данного мира едва ли не на порядок меньше, чем тот налог, который пришлось бы платить в конечном итоге Федерации: известно ведь, что аппетиты растут прямо пропорционально статусу едока, а власти Федерации в этом смысле были и остаются едоком номер один. Вот и секрет, если и не весь, то большая его половина. А меньшая, как мы сильно подозреваем, заключается в том, что любителей риска вышвыривают в ВВ-пространство без всякой надежды на то, что они где-нибудь возникнут снова. К такому выводу приводит нас одно обстоятельство, а именно: клиенты этих фирм при заключении договора на транспортировку подписывают документ о том, что риск они принимают на себя; в этом ничего незаконного нет. Кроме того, люди, пользующиеся ВВ-чартером, по большей части принадлежат к тем, кто не стремится широко распространяться о своих делах и не раскрывает своих намерений и маршрутов, так что всякие попытки поиска их ни к чему привести не могут – и потому не предпринимаются. Это все просто и обыденно; самое интересное, однако, заключается в том,

что достоверно известно некоторое количество случаев, когда люди и в самом деле куда-то прибывали и в конце концов возвращались – говорят, даже живыми и здоровыми. Если не пользоваться гипотезой о чудесах – а нам известно, как строги Силы в этом отношении и как трудно получить их согласие и содействие в осуществлении хотя бы небольшого чуда, – то приходится предположить, что либо существует еще какая-то ВВ-сеть, о которой никто ничего конкретного не знает (условно можно назвать ее пиратской ВВ), либо же в пространстве Холода возникают порой какие-то стечения обстоятельств, при которых проглоченное извергается в целости и сохранности в намеченной точке; но о Холоде, как уже заявлено, у нас нет ни малейших данных. Разумеется, с упомянутыми счастливчиками пытались поговорить на эту тему, однако все они, словно по уговору, твердили одно и то же: «Да все нормально, отсюда улетели, туда прилетели, говорить не о чем, и весь хрен по деревне». Обратно из таких мест они чаще всего возвращались на кораблях.

Вот, пожалуй, все о ВВ-транспорте. Разве что еще маленькое примечание: те миры, которые на Ферме считаются контрольными, в ВВ-сеть не входят по определению, практически это означает, что установить там станцию никогда и никому не удавалось (то помешало стихийное бедствие, то не удалось доставить оборудование, то установить установили, но запустить до сих пор не удастся, то – чаще всего – все разворовали, пока планы согласовывались на местах). Зная это,

можно предположить, что и мир Альмезот был лишен такой заметной принадлежности цивилизации, как ВВ-транспорт.

Да; но пятерым с Ассарта необходимо было попасть туда – и как можно скорее. Никто из них не хотел подводить своего капитана.

2

Что бы ни происходило в мирах Вселенной, и безжизненных, и населенных, – а в ней всегда делается что-нибудь локально-значимое, где-то наступает конец света, а еще где-то, напротив, свет только загорается, – на Ферме всегда будет тихо и светло, и Силы будут повелевать, наблюдать, делать выводы, добиваться нужного, а порой и ошибаться тоже – точно так же, как люди планетарных масштабов, потому что все люди Сил в свое время сами прошли эту стадию и невольно унесли с собою в Космос и присущие предкам достоинства, и их недостатки, пусть и не в таком обилии, какое свойственно смертным.

Трава вокруг дома Фермы еще не успела замениться новой, всего лишь день (условный, конечно) прошел, когда Фермер среди множества своих дел нашел время спросить Мастера:

– Ты присматриваешь за ним? Там все ладно?

Не надо было уточнять – за кем следовало присматривать и где именно. Для этой Фермы то, чем должен был сейчас

заниматься Ульдемир, было главным из текущих дел, потому что исход его должен был так или иначе сказаться и на самой стратегии Бытия. Хотя исполнителю это было неведомо. Каждый должен знать лишь необходимое – это правило придумано вовсе не людьми.

– Все идет как следует, – был ответ. – Он укореняется. Взял новый облик.

– Приступил уже к исполнению?

– Нет еще. Да я и не ожидал результатов так скоро. Пусть сперва обоснуется поосновательнее. Вот и люди его еще не прибыли. Не торопи.

– Я бы рад. Но ведь и нас торопят. Мы не можем помочь им добраться побыстрее?

– Лучше этого не делать. На Альмезоте правят делами не малые дети. Если заброс одного человека они еще могли пропустить, то целая группа неизбежно обратит на себя внимание. Не забудь: это закрытый мир, где просматривается и просчитывается все, каждый человек...

– Но осталось всего шесть дней. Положение критическое.

Положение, в каком находилось все Мироздание, и в самом деле было близким к критическому. И причин тому было, самое малое, две. Хотя большинству обитателей Вселенной это не было известно; мы имеем в виду не только людей планетарных, но и множество тех, для кого Космос давно уже стал главным местом обитания.

О первой причине можно сказать следующее.

Насельники Теплого мироздания, они чаще всего не имеют представления о существовании другого, Холодного, хотя оно располагается в том же пространстве, – или же представления их весьма расплывчаты и неопределенны. И это несмотря на то, что Холодной материи вокруг гораздо больше, чем Теплой. Дело в том, что Холодную мы просто не воспринимаем, и даже те, кто что-то о ней слышал, считают ее чем-то инертным, не развивающимся и, следовательно, не способным как-то влиять на наше Бытие. В то время как в действительности Холод не менее активен, чем Тепло, и так же стремится к совершенству (в его понимании). Понятие же совершенства подразумевает прежде всего власть; иными словами – даже не вытеснение, но подчинение и уничтожение всего того, что не относится к этой системе. Добавим к этому, что материя Холода хранит в себе память о своем совершенстве, потому что она намного старше Тепла, возникшего среди Холода (нам это известно под названием Первичного взрыва) в результате Божественного усилия; но и по сей день Теплые миры являются лишь вкраплениями в массе Холода и могут существовать лишь в постоянной борьбе с ним. Холод постоянно старается излечиться от Тепла, считая его болезнью, патологическим отклонением от нормального порядка; борьба с Теплом проявляется хотя бы в существовании Второго начала термодинамики. Единственное серьезное оружие в борьбе с Холодом – жизнь, то есть оду-

шевленность, преобладание духа над веществом и увеличение количества духа во Вселенной. Стратегия Творца в том и заключается, чтобы количество и мощность Духа в Мироздании достигла объема и силы Холода, а затем и превысила его. Только в таком случае Холод и Мрак, тот самый первобытный хаос, о котором каждый что-нибудь да слышал хоть однажды, может быть побежден.

Это было бы относительно простой задачей, линейное развитие, только и всего, если бы не одно обстоятельство. Дух уязвим, когда он соприкасается и взаимодействует с веществом, поскольку дух тоже стремится к совершенству, но – на уровне планетарного разума – далеко не всегда может отличить подлинное совершенство от мнимого, смысл бытия – от окружающих условий. На нынешней стадии бытия дух может проявляться наиболее активным образом, лишь обладая материальной, вещественной оболочкой, которая холодна по своей сущности, но получает тепло от духа. Однако вещество всегда стремится к покою, и порой это его стремление передается духу, и вместо того, чтобы противостоять Холоду, он начинает действовать в его интересах. Нет, разумеется, дух силен, даже очень силен и тогда, когда он находится вне плоти, но только в том случае, если перед тем он прошел через существование во плоти; только после этого он становится реальной силой. В этом, скорее всего, и состоит смысл существования рода людского: он делает дух боеспособным и увеличивает количество такого духа в мире.

Но, разумеется, только в том случае, если дух развивался во плоти нормально, главенствуя над нею, а не становясь всего лишь ее инструментом.

Люди, у которых дух подчиняется плоти, бесполезны для Мироздания, скорее даже вредны. Они существуют в каждом из великого множества миров, но пока их количество не достигает критической массы, Силы мирятся с ними хотя бы потому, что процент брака неизбежен в любом процессе. В таких мирах – обычных – идет постоянная, пусть и не всегда заметная борьба за совершенство. Однако бывают случаи, когда уже не отдельные люди или сообщества становятся враждебными стратегии Творца, но целые миры. (Именно для выяснения причин такого отклонения и существуют, кстати сказать, контрольные миры, подобные тому же Альмезоту.) Вот с их существованием и деятельностью мириться никак нельзя. Остается лишь принять крайние меры. Собственно, то, что мы называем Природой, так и задумано и осуществлено. Когда количество совершенных человеком ошибок превышает некий уровень, наступает то, что принято называть концом света и что на деле есть лишь крах данной линии развития.

Другая же, более локальная, то есть пока еще чисто альмезотская, причина гибели мира, хотя и о ней население планеты – в большинстве своем – еще ничего не слышало, заключается в том, что в этом мире была изобретена техника, равно пригодная и для жизни, и для причинения смерти, и

фактически правящая экономикой мира киберуправляющая система, чуждая, естественно, всякой морали, уже рассчитала выгоды от предстоящего экспорта новой техники в другие миры, не догадываясь (поскольку компьютеры вообще догадываются с трудом, догадка основана на не свойственной им интуиции) о том, что реализация заложенных в этой технике возможностей приведет прежде всего к скачкообразному падению Тепла в мире и, следовательно, к расширению Холода с его темной материей. Об этом догадались сами авторы – и не только они; с их стороны было жестом отчаяния уничтожить все, что относилось к этим разработкам, и скрыться самим; тем самым реализация этого проекта была сорвана – во всяком случае, на какое-то время.

Их, конечно, искали альмезотские власти. А теперь к этим поискам должны были подключиться и посланцы Фермы, то есть Тепла, и опередить всех остальных. И тем самым нейтрализовать обе причины, способные вызвать гибель этого мира, что могло бы послужить лишь началом цепной реакции.

3

Когда пятеро на Ассарте покидали Старческий Дом, как-то естественно было считать – по умолчанию, как говорится, – что главное сейчас – принять решение, а уж осуществить его не составит большой трудности. Ассарт, пусть и

основательно потрепанный, все же оставался миром современной цивилизации, и транспортных проблем для него, в общем, не возникало. Недаром же он обладал и собственным флотом, от которого хоть что-то да должно было уцелеть, и при этом нашлось на нем место для посадки (а потом и старта) немалого числа десантных кораблей. Так что вспорхнуть с планеты представлялось делом элементарно простым – особенно если вспомнить, что эти пятеро и сами составляли экипаж, пожалуй, даже заслуживающий причисления к экстра-классу. А уж оказавшись в пространстве, они (и была в этом полная уверенность) смогут проложить кратчайший курс к миру, назначенному им капитаном для randevu.

Понятно поэтому, что они сразу же направились к ближайшей стартовой площадке, иными словами – к космодрому Власти, на котором, по их убеждению, хоть один корабль, да найдется, а поскольку это именно хозяйство Власти, то и машина будет наверняка самой лучшей из имеющихся в этом мире. Тем более что и площадка, выбранная ими, была ближайшей к Старческому Дому – почти на границе города. Любая власть всегда старается устроиться поудобнее, чтобы не тратить времени на преодоление расстояний.

Путь отряда, таким образом, лежал не к центру города, а наоборот и потому был достаточно легким. Количество разрушенных зданий, взорванных виадуков и заваленных обломками улиц было обратно пропорционально расстоянию

от Дома Власти и границы Малого круга.² Чтобы ускорить продвижение, экипаж, безусловно, не остановился бы перед применением силы для конфискации любого средства транспорта – буде такое попадется. Все, однако, понимали, что на это надежды было мало, до этого выздоровление тяжело раненной цивилизации еще не дошло. Так и получилось: на всем пути до намеченной цели им не попалось ни единого колеса. Потратили больше времени, чем хотелось бы, но, с другой стороны, в этом был и свой плюс: к космодрому они приблизились совершенно бесшумно и скрытно, в то время как звук любого мотора, даже отдаленный, неизбежно привлек бы к себе внимание кого-нибудь из космодромной прислуги, что пятерым было совершенно не нужно. Их вполне устроило бы, если бы там вообще не оказалось ни души, хотя они прекрасно понимали, что на такую удачу рассчитывать не приходится.

Космодром действительно оказался населенным, в этом они убедились еще на дальних подступах к нему. В счастливо сохранившемся здании терминала светились окна – на двух верхних этажах и именно в той стороне, где располагалось управление космодромом, а также службы наблюдения, наведения и связи. Иными словами, хозяйство работало, как в добрые довоенные времена. Пятеро разделились, сошли с дороги, что вела к воротам, трое в одну сторону, двое в другую, и продолжали движение. Приблизившись, убедились в

² См. предыдущее примечание.

том, что ворота охранялись, опять-таки как во времена порядка и покоя. Но куда важнее оказалось то, что оправдалась главная надежда: на ближайшей к терминалу стартовой площадке возвышался корабль – совсем нетрудно было определить, что не скромный каботажник внутрисистемных линий, а машина больших радиусов, не тяжелая, не из числа транспортных или десантных, но такая, на каких обычно держат свой флаг военачальники достаточно высокого ранга. Корабль был очень подходящим, и просто грех было бы не воспользоваться им.

Когда это стало ясным, двое быстро пересекли дорогу и присоединились к тройке, после чего все остановились, и состоялось нечто вроде военного совета.

Ясно было, что корабль нужно использовать. Это можно сделать двумя способами: захватить силой или мирно договориться. Для того чтобы осуществить захват, следовало вначале убедиться в том, что силы, охраняющие корабль, их численность, вооружение и степень готовности позволяют рассчитывать на успех. Если предпочесть мирный путь, то решить, с кем, собственно, договариваться: с корабельной ли командой, с космодромным начальством или вести переговоры на самом верху. Открывая дискуссию, Уве-Йорген проговорил:

– Ладно, пусть мы затратим на дипломатию еще несколько часов, зато все остальное пойдет как по маслу и будет полный порядок – такой, какой должен быть. Я считаю, что са-

мое разумное – идти в Дом Власти. Властительница не откажет нам в приеме – мы, как-никак, тут не последние люди. Введем ее в курс событий, то есть объясним, что капитану грозит опасность и мы спешим ему на выручку, а для этого нам нужен корабль, совсем ненадолго, пусть только доставит нас куда следует, а дальше уж мы сами разберемся. Таково мое мнение. Как считаете?

Выдержав паузу, Гибкая Рука сказал:

– Нет.

– Почему? Что в моем плане плохого?

– Много песка. Он очень неустойчив.

– Объясни нормально.

– Мы не знаем, что известно Ястре о делах капитана. Я уверен, что он ушел без ее ведома и согласия. Женщина, да еще наделенная властью, не отпустит близкого человека неизвестно куда. Они слишком любят знать все. Недаром мой народ не подпускал женщин к мужским делам. Я думаю, что она обижена и зла. А все мы представляем ее характер.

– Может, она и захочет помочь ему, – вмешался Георгий, – но тогда наверняка решит подкрепить нас какими-то силами – отрядит своих горных тарменаров хотя бы. Рыцарь, капитан не сказал ни слова о привлечении каких-то дополнительных сил. Как и о задаче, которую надо решить. Может быть, лишние люди там скорее навредят.

– Питек, твое мнение?

– Это ведь ты говорил с Мастером, Рыцарь. И по твоим

словам он совершенно ясно приказал: прибыть немедленно! А начинать переговоры, да еще с женщиной, означает немалую задержку. Потому что она будет размышлять сама, потом консультироваться с советниками, да еще с толкователями звезд. А пока она будет думать, мы станем терять время и психовать, капитан же – там, где он сейчас находится, – переживать, может быть, очень крутые моменты. Да и корабль нас ждать не станет. Так что я – за быстроту исполнения, ничего другого сказать не могу.

– Ясно. Пахарь, твое мудрое слово, а то все отмалчиваешься.

– Да вот обминаюсь в новом теле, Рыцарь, отвык как-то от такой груды мяса и костей. Прощения прошу. А что касательно дела, то я тут успел приглядеться немного, и вот что получается...

Он умолк, словно бы колеблясь или выбирая, что сказать, а о чем лучше умолчать.

– Пахарь!

– Ох, да. Значит, так: первое – к властительнице обращаться незачем, великая тщета получится и ничего более.

– Это еще почему?

– А потому, Рыцарь, что не ее это ковчег... корабль то есть, и люди тоже не ее. А Властелина. Так что тут она нам помочь ничем не в силах – ежели даже очень захочет.

– Не ее? Да откуда ты взял?

– Поглядел внимательно.

– Выходит, – сказал Уве-Йорген, нарушив наступившее молчание, – нам этот корабль не взять?

Георгий пожал плечами:

– Я бы рискнул, если бы капитан не упомянул, что мы нужны ему все пятеро, непременно. Иначе мы ведь Пахаря и тревожить не стали бы, разве не так? А если дать бой – каждый знает, к чему это может привести.

– Воистину, – сказал иеромонах.

– Ну а как же станем мы добираться? Не пешком же!

Рыцарю ответил Питек:

– Я вот сюда последний раз, вот теперь, прибыл, между прочим, не на корабле, а на ВВ. Дело нам не очень знакомое, и были у меня сомнения, но оказалось – удобно, а главное – мгновенно. Правда, станция их – внутри Малого круга, так что топать до нее придется часа два, а то и три. Но зато потом – сразу: тут вошел – там вышел.

– Совет закончен, – подвел итог Рыцарь. – Питек, в голову колонны, раз уж ты дорогу знаешь. Готовы? Шагом марш.

Уходили они от космодрома так же скрытно, как и приближались. Никем не были замечены и никакого беспокойства ни у кого не вызвали.

И на площади, на которой здание ВВ-станции было уже хотя и не полностью, но все же восстановлено, группа появилась через два с четвертью часа.

За минувшие недели облик городского центра изменился: с площади исчез битый кирпич, она освободилась от облом-

ков мебели и домашней утвари, еще недавно устилавших ее; однако бетонные глыбы остались – похоже, убрать их можно было только при помощи машин, да и то – раздробив предварительно на мелкие части. Пока, видимо, у казны на такие действия не хватало ресурсов. Наверное, власти поступали правильно: восстановить транспортные коммуникации было куда важнее, чем привести центр в благообразный вид.

Возможно, такие мысли и мелькнули в голове кого-либо из пятерых членов группы, но, даже мелькнув, не задержались: судьба этого мира, которому немало времени и сил было отдано, больше не заботила экипаж, и единственное, чем эта планета еще могла послужить им, – помочь как можно скорее покинуть свою столицу. Немного. Но и немногое нередко добывается с большим трудом – если достигается вообще.

Внутреннее убранство ВВ-станции составляло приятный контраст с площадью. Все было чисто, аккуратно, спокойно, свежесть покраски говорила о недавно завершившемся ремонте. Но главное – стартовые кабины гостеприимно приглашали своими приоткрытыми дверцами, окошки касс призывно светились, и даже прејскурант услуг на табло в центре зала действовал исправно. В этом пятеро убедились, беспрепятственно проникнув в операционный зал. Собственно, иначе и быть не могло, зал этот, как и вся станция, для того и существует, чтобы в него свободно входили и отправлялись из него куда угодно; однако, даже зная это, члены эки-

пажа, оказавшись внутри, облегченно вздохнули. Уж слишком привычным стало, что за доступ куда угодно приходилось платить риском и жестокостью. С нравами и обычаями мирного времени свыкаешься не сразу.

Итак, вошли. Однако свобода проникновения оказалась, похоже, обманчивой. Видимо, бег предстоял с препятствиями. И первым таким препятствием оказался именно прейскурант. Сперва они собирались миновать его, не уделяя внимания, направиться прямо к кассам. Однако уже беглый взгляд, брошенный Питеком на табло, заставил его затормозить и окликнуть товарищей:

– Стоп, люди. Поглядите-ка!

– Ну, что там? – недовольно откликнулся Уве-Йорген. – Что горит?

– Похоже, что мы, – ответил Питек, не сводя глаз с освещенной плоскости.

Теперь и остальные повернули головы к табло. Светящиеся слова и цифры не обещали вроде бы никаких ужасов, так что оружие могло спокойно оставаться за спиной. Однако оружие вовсе не принадлежит к самым устрашающим явлениям современного мира; есть другие, не столь громогласные, но куда более разрушительные. И вот сейчас...

– Как это вам, а? – поинтересовался Питек, обращаясь ко всем сразу.

Табло было лаконичным, как выстрел, и столь же разящим. Оно гласило:

Стоимость перемещения:

Тулесир – 15 000

Роя – 17 500...

И так далее. Но хватило и этого, чтобы Уве-Йорген поперхнулся и задал ненужный вопрос:

– Это... Пятнадцать тысяч – чего?

На что многоопытный Питек мрачно ответил:

– Галларов, Рыцарь, – эта контора считает в обратимой валюте. Деньги, дорогой мой командир, они, проклятые. Мне, чтобы добраться сюда, чуть не пришлось последние штаны продать. И продал бы: жить и без них можно. Легко.

– А нет у нас денег-то, – сказал иеромонах Никодим таким тоном, словно сделал открытие. – Да я про них давно и позабыл.

– Что предпримем? – поинтересовался индеец. – Нами уже заинтересовались.

И в самом деле, в зале, до сих пор молчаливо-пустынном, возникло некоторое движение. Никто из пятерых не успел заметить, откуда появился человек, сейчас направлявший-ся к ним, – аккуратно одетый мужчина с неподвижным лицом и словно нарисованной на нем доброжелательной улыбкой. А охранники, до сих пор занимавшие свои места в углах и до такой степени неподвижные, что их можно было принять за предметы обстановки, – эти вооруженные люди теперь шевельнулись, концентрируя внимание на пятерых потенциальных – то ли клиентах, то ли – поди знай.

– Нас тут приняли за провинциалов, – проговорил Рыцарь негромко. – Сейчас станут предлагать услуги, объяснять. Пока с пассажирами у них, видно, небогато, не хотят упустить. До последней возможности ведем себя тихо, скромно, задаем вопросы, получаем ответы, и упаси Бог – дать понять, что денег у нас нет. Словом, вяжемся в разговор – а там видно будет.

А менеджер был уже тут как тут.

– Господа, к вашим услугам. Могу ли чем-то помочь вам? Не стесняйтесь, все мы тут для того, чтобы содействовать вам. Вы поступаете совершенно правильно, решив воспользоваться услугами «ВВ-Транссети» для того, чтобы попасть, смею ли спросить – куда? В какой именно мир? Если вас смущает этот прейскурант – знаете, схема порой дает сбои, ничего удивительного – война только что, по сути, закончилась, да и то... Итак, куда господам угодно?

Он говорил, а глаза его тем временем, работая независимо от губ и языка, быстро, зорко и холодно оглядывали одного «клиента» за другим, пронзали, сканировали каждого из пяти – и снова, и снова, улыбка же оставалась все той же, словно была результатом пластической операции и никогда уже не сможет исчезнуть.

Рыцарь, похоже, решил не уступать говорившему в витиеватой вежливости:

– С вашего позволения, мой господин, мы все намерены отправиться в мир, носящий имя Альмезот, все вместе,

очень желательно – в одной кабине. Надеюсь, вы располагаете пятиместными кабинами?

– Не могу сказать, что у нас их много, однако мы вполне в состоянии удовлетворить ваше желание. Что же касается места назначения... Как, вы сказали, именуется нужный господам мир? Альмезот, если не ошибаюсь? Одну секунду, сейчас я смогу вам ответить...

Он повернулся к прејскуранту, принялся нажимать кнопки на клавиатуре.

– Раз уж вы затрудняете себя, то не будете ли любезны сообщить нам стоимость такой услуги?

– О, как вы понимаете, мимо этой информации мы никак не пройдем. Сию минуту...

Минуты ему, впрочем, не потребовалось, чтобы повернуться к клиентам, причем на этот раз лицо его выразило некоторое разочарование:

– Боюсь, что... Впрочем, позвольте, я проверю еще раз...

На сей раз ему понадобилось не менее трех минут. После чего разочарование перешло в растерянность:

– Увы, возможно, тут какое-то недоразумение, но названный вами мир не числится среди наших контрагентов.

Глава 4

1

И все-таки тем восьмерым, что не так давно еще, оставив позади догорающий костер, направились к городу, выигрывая около сорока минут у преследовавшей их группы полицейских, удалось добраться до окраины. И не там, где из города вытекали большие дороги с постоянным и густым движением, но в таком месте, где заканчивались окраинные переулки-закоулки, переходя в более или менее натоптанные тропы, уходившие где в лес, еще до конца не истребленный, где в редкохолмистую степь, некогда населенную всякой живностью. Теперь здесь обитали лишь стаи одичавших собак, без каких развитая цивилизация не обходится и которые оказываются долговечнее бродячих людей, потому что собаки на господствующее мировоззрение не посягают и если держаться от них подальше, то и вреда никакого не причинят. Тут, кстати, то есть в том месте, где восьмеро, со стариком во главе, приблизились к окраине, одна такая стая как раз обитала, довольно многочисленная, и следовало бы, пожалуй, обойти ее стороной ради собственной безопасности. Старик, однако, повел своих спутников напрямик, вре-

меня приходилось экономить, потому что преследователи наверняка уже взяли след от костра, и их собаки – не дикие, но хорошо обученные, туго, как струны, натягивали поводки, заставляя своих хозяев бежать так быстро, как только те были способны. Быстрее, конечно, чем могли передвигаться беглецы, как бы ни старались: люди эти были не очень-то тренированными. И когда один из них, прерывисто дыша на ходу, выразил старику сомнение: «Не опасно – собаки ведь?..» – старик ответил кратко: – «Нет. Уже чувствуют – других».

И в самом деле дикие собаки людей не тронули, вероятнее всего потому, что почуяли приближение четвероногих чужаков – это было куда более сильным раздражителем, чем несколько человек, ничем стае не угрожавших. Полицейские собаки настигали беглецов беззвучно, потому что обучены были подавать голос лишь по команде. Травили же, как бы ни было это азартно, молча. Поэтому убегающие порой долго не догадывались, что их преследуют с собаками, но бродячая стая таких ошибок не допускает. И, восприняв приближение другой стаи (с десятков псов вело за собой полицейскую группу) как посягательство на свою территорию, дикие бросились в атаку, не дожидаясь, пока на них нападут. И началась собачья свара в полном смысле слова, так что беглецам удалось снова восстановить дистанцию между собою и догонявшими.

– Вы хотите сказать... – проговорил Уве-Йорген.

Улыбка менеджера явственно померкла:

– У нас нет ВВ-связи с этим миром. Мы не отправляем туда и не принимаем пассажиров оттуда. Скажите, а вы уверены в том, что этот мир охвачен ВВ-сетью?

– Ну, мы предполагали... Это цивилизованный мир.

– К сожалению, не все миры, считающиеся цивилизованными, являются участниками Сетевого ВВ-Пакта. Я очень огорчен, но вынужден признать, что в данном случае наша фирма не в состоянии помочь вам. Хотя... – Тут он встретился, улыбка снова повысила накал. – У нас нет прямого сообщения – это, увы, факт. Однако если вы готовы потратить немного времени – я уверен, мы сможем поискать и найти, так сказать, обходной вариант. То есть отправить вас на ближайший к... да, к Альмезоту, связанный с нами мир, а там, возможно, существует некая локальная сеть, в которую входит и названная вами планета; вы понимаете, помимо основных компаний, входящих в Большую сеть, существует и множество мелких, осуществляющих, так сказать, операции местного значения. Но даже и в самом крайнем случае оттуда вы сможете добраться до нужного вам места на корабле – и при этом сэкономите много времени по сравнению с путешествием только на корабле. Если такой выход вас устроит...

– Это интересный вариант, – признал Уве-Йорген. – Не скажете ли в таком случае, во что обойдется кабина на пятерых для доставки на этот ближайший мир и, естественно, что это за ближайший мир. Вы в состоянии?

– Да конечно же! Если вы сообразоволяете пройти в мой офис...

Уве-Йорген рассеянно окинул зал взглядом, на миг задержав глаза на одном из охранников, что дежурил у ближнего к ним выхода.

– Мы не станем мешать вам. Обождет здесь. Или выйдем на площадь – тут у вас, откровенно говоря, душно...

– Вы совершенно правы – кондиционеры еще не доведены до ума, была война как-никак, приношу мои извинения. Но я недолго – максимум пять минут...

Менеджер торопливо зашагал туда, откуда появился, – к двери справа от касс, которую пятеро сразу и не заметили. Уве-Йорген скомандовал:

– Выходим – спокойно, неторопливо.

– Могли бы обождать и тут, – проворчал Питек. – Здесь чище. И вовсе не так уж душно.

– Идем!

Пятеро вышли, остановились недалеко от двери, и Питек снова начал:

– По-моему, теряем время. Обходной вариант, не обходной – даром все равно нас не отправят. Может, подумаем лучше, где взять денег?

– Минутку. Ага, вот и он.

Человек и в самом деле вышел из двери; но не менеджер, а охранник – тот, на которого Рыцарь обратил внимание за минуту до того. Охранник остановился, достал из кармана нюхалку, втянул носом, постоял немного, глубоко дыша; четверо не обратили на него внимания, Уве-Йорген же, сделав шаг, приблизился к охраннику и задал краткий вопрос:

– Ну?

Тот прищурился. Еще помолчал несколько секунд. И сказал:

– Этот его вариант – гиблое дело. Не связывайтесь.

– Имеешь другое предложение?

– А то.

– Давай по порядку. Почему не соглашаться с ним?

Охранник усмехнулся:

– Он – жох, его не проведешь. Я все его улыбочки и приемы знаю. Он с первого мига вас раскусил.

– Раскусил – что?

– Что вы без гроша.

– Зачем же он тогда терял время с нами?

– У него свой интерес. Он сейчас предложил бы вам кредитный вариант, есть и такие. Вы подпишете обязательства – и он отправит вас в тот мир, где большой спрос на дешевую рабочую силу. А оттуда вы бы уже никуда не улетели, потому что там вам пришлось бы отрабатывать кредит, а это такие деньги, которые и до смерти не отработаешь. Отбиться

вы там не сможете: оружие по ВВ не переправляется, только люди, так что там вы оказались бы с голыми руками. Вот и настал бы конец вашему путешествию.

– Убедительно. Ну а с чего ты ему портишь коммерцию? Свои счета?

– Ничуть. Но он вас не знает, а я опознал. Видел, как вы действовали во время заварухи. Вы вояки что надо. А не землекопы.

– Что же, парень, спасибо, твои должники. Что же получается: нам отсюда не улететь? Кораблей нет, по ВВ не получается...

Перед тем как ответить, охранник внимательно огляделся.

– Слушай сюда. Контора работает до полуночи. Потом все выключается до шести утра, персонал, понятно, уходит по домам. А мы остаемся: у нас суточная вахта. Мы тут не случайная, а постоянная охрана. И всю эту механику освоили. Так что отправить вас куда угодно можем не хуже, чем штатные операторы. Усек?

– Тоже – по обходному варианту?

– Вовсе нет. На этом Альмезоте законных станций и правда нет. Но есть черная, ну, нелегальная, подпольная. В столице, на окраине, очень удобно. И за нее можно зацепиться. Понятно объясняю?

– Проще некуда. Одного только не хватает: денег-то у нас и в самом деле нет. Что же ты нас – просто так, по дружбе, отправишь?

Охранник ухмыльнулся:

– Ну, дружба дружбой, а свой интерес, понятно, есть у каждого. Нет, даром не бывает. Но я понимаю так: воевали вы исправно и были у властей на виду, не может же быть, чтобы вы войну закончили, так нимало руки и не погрев. Не обязательно деньги, но что-нибудь да вынесли – ну там побрякушки какие-нибудь, камушки... Вы на круглых дураков не похожи.

К этому времени уже и остальные четверо подошли, обступили разговаривавших. И не успел Рыцарь пожать плечами перед тем, как признать, что они, к сожалению, именно круглыми дураками и являются, как Питек, вступив в разговор, спросил:

– Слушай, дом хочешь?

– Дом?

– Здесь, в городе, целый, исправный, пригодный для жилья – мы только сейчас оттуда. Хотели, правда, его за собою сохранить, мало ли, но раз уж такое дело... Дом, понял? Его сдавать можно, а нет – продать, в эти времена за него можно взять крупно, людям жить негде. Сечешь?

По даже не загоревшимся, а прямо-таки засиявшим, вспыхнувшим новыми звездами глазам охранника стало ясно, что он не только понял, но и, зная ассартский рынок куда лучше со всеми его конъюнктурами, чем пришлое пятеро, мгновенно успел все прокалькулировать и расставить по местам. Он спросил только:

– А вы там законно ошивались?

– А как же. Лицензия есть, по всем правилам. За наши заслуги...

– Показать можете?

Лицензия у Питека и хранилась – и он не замедлил предъявить ее высокой договаривающейся стороне. Документ был внимательно осмотрен.

– Годится. Так что... Скоротайте где-нибудь время, немного уже осталось до полуночи. Вон за тем углом – кафешка, чем-нибудь горячим покормят. Что, с деньгами совсем туго? Ладно, скажите там – угощает Зарон из охраны. После шабаша еще полчаса для верности промедлите – и приходите. Лично отправлю.

– Только учти: нас там ждут. Мы туда депешу отобьем еще до старта: связь у нас есть. И если мы не доберемся – то тебя достанут и разберутся.

– Я не подонок. Но, понимаете сами, риск всегда остается – даже и в казенных пересылках. Так что – тут все от Бога. И если он за вас...

– За нас.

Такими словами заключил торг Никодим.

Охранник Зарон и в самом деле не собирался подвести их и все сделал, как полагалось. Но, как было принято, перед тем, как отправить их, снесся по параллельной ВВ-связи с приемной станцией на Альмезоте и предупредил:

– Заброшу вам пятерых парней, вояки первого сорта – мо-

жет, кому-нибудь у вас там такие понадобятся. А ребята рады будут что-нибудь заработать.

На официально не существующей, но тем не менее исправно действующей станции в мире Альмезот сообщение приняли. А поскольку нелегальная деятельность всегда налагает на предпринимателей некие дополнительные обязательства, техник-оператор станции без задержки направил соответствующую информацию в систему одной из властей в мире, куда была осуществлена переброска, а именно власти Храма, в силу некоторых особых интересов с недавних пор старавшейся контролировать все внешние сообщения Альмезота, для чего оплачивавшей немалое число информаторов во многих других мирах. Там сообщение было принято с живым интересом и сразу же переправлено на самый верх.

Содержанием послания был весьма удовлетворен сам омниарх, незамедлительно отдавший распоряжение:

– Выслать нашу полицейскую группу к ВВ-станции. Там они встретят прибывшую из мира Ассарт команду из шести человек. Ее следует немедленно доставить сюда, ко мне. По возможности скрытно: эти люди не должны привлечь к себе ничего внимания.

Полицейская группа была отправлена без малейшего промедления.

Омниарх не стал удивляться тому, что заказанная им группа прибыла с Ассарта, где ей делать было вроде бы нечего. Он знал, что люди эти, не любившие оставлять явных сле-

дов, избирали для своих перемещений самые замысловатые маршруты, и последним пунктом их остановки мог быть любой мир – почему же не Ассарт? Скорее, это было даже разумно: в мире, переживавшем тяжелый послевоенный период, никто наверняка не станет обращать внимания на кучку транзитных пассажиров.

Не очень смутило его и то, что в сообщении говорилось о пятерых, хотя на самом деле их должно было быть шестеро. Вероятно, ошибка при передаче или приеме. Или же информатор неверно сосчитал. Случается и не такое.

3

Ползун из Малирета прибыл. Вынырнул из левого туннеля, подлетел, завис на мгновение и аккуратно лег на лыжи, почти не подняв брызг. Выкинул трап, пассажиры вытекли из объемистого салона. Кто-то направился внутрь вокзала, кто-то – прямо в город, иных окружили встречающие. Я стоял в отдалении, стараясь уловить все реакции моего нового тела: у меня не было представления о том, как должен вести себя блюститель порядка в такой ситуации; по-моему, самым нормальным было – наблюдать, сохраняя неподвижность. Но, может быть, в этом мире были приняты иные правила поведения? Вот я и старался уловить малейшее движение своих мускулов, наверняка приученных к определенным действиям в стандартных ситуациях. Тело оставалось безмя-

тежно-спокойным. И поэтому я стоял, лишь поигрывая дубинкой, давая этим понять, что охрана порядка на своем месте и бдит. Похоже, так и следовало: большинство собравшихся не обращало на меня никакого внимания, один-другой лишь скользнули по мне взглядом. Видимо, я сделал все как надо.

И внезапно тело напряглось. Пальцы, не спросив моего разрешения, крепко сжали рукоятку дубинки.

Это произошло, когда по трапу сходил последний, видимо, пассажир. Во всяком случае, после него на трапе не появилось больше никого. Пассажир на мгновение задержался на верхней ступеньке, оглядел прилегающее пространство и, похоже успокоенный, начал спускаться. На него, казалось, не обратил внимания никто – видимо, встречающих не было. Однако, когда он оказался уже на нижней ступеньке и уже готов был ступить на землю, откуда-то сзади возникло сразу двое крепких мужчин (похоже, они до этого таились по ту сторону скользуна). В два прыжка они подскочили к пассажиру, схватили за руки, умелыми движениями выкрутили их за спину – мужчина при этом согнулся чуть ли не пополам, – при этом один из напавших вырвал из руки схваченного чемоданчик – единственное, что у него было с собою, – и проговорил: «Профессор Зегарин? Тихо, спокойно, пройдемте с нами». И тут же эти двое, не выпуская его рук, заставили плененного все в той же позе поясного поклона двинуться, с трудом перебирая полусогнутыми ногами, куда-то вправо,

где их, возможно, ожидал один из дюжины легковых скользящих, расположившихся на стоянке.

На этом эпизод вроде бы исчерпался. Мне показалось, что все восприняли это как должное: и люди вокруг, которые не могли не заметить этого, но никак не откликнулись на увиденное, и даже сам захваченный. Разве что один человек, зрелого на вид возраста, неброско, даже бедно одетый, — он до этого стоял чуть поодаль от толпившихся встречающих, — сперва двинулся было в направлении приехавшего, но тут же, увидев происходящее, повернул в другую сторону и неторопливо зашагал прочь.

Но мог ли таким же образом отреагировать — иными словами, не отреагировать никак — на происшедший акт несомненного насилия тот, чьей обязанностью было следить за порядком, за соблюдением прав граждан, за их безопасностью? Мог ли я?..

Очень странно: полицейское тело вело себя так, словно случившееся меня совершенно не касалось. Мгновенное напряжение его сменилось пусть и не столь быстрым, но несомненным расслаблением; следовало понимать, что оно не собиралось предпринять совершенно ничего для освобождения человека, которого уводили все дальше. Вероятно, предыдущий обладатель этого тела не принадлежал к храбрецам и не собирался ввязываться в стычку — его ведь не позвали, не так ли? Но такое поведение было никак не по мне, и я сделал решительный шаг вдогонку удаляющимся.

Но второго шага не получилось: кто-то сзади крепко ухватил меня за рукав и достаточно сильно дернул назад.

Это уже очень походило на нападение на полицейского при исполнении им. И я обернулся, пылая праведным гневом.

То была Вирга. И в ее глазах горел не менее жаркий огонь – разбавленный, правда, некоторой дозой страха. Так, во всяком случае, мне показалось.

– Ты с ума сошел?!

Это было выкрикнуто, хотя и шепотом.

– Ты что... – начал было я. Она прервала:

– Жить надоело? Или не узнал спросонья?

Из этого я понял лишь, что в происходящее мне никак не следовало вмешиваться. Оставалось лишь неясным: да почему же?

– У меня на глазах похищают человека... – начал было я.

– Это их дело. Не наше.

– Разве я не представляю здесь власть?

– Какую? – голос ее так и истекал презрением. – Да что с тобой? Можно подумать, ты только сейчас родился – ведешь себя как младенец.

Она была не так уж далека от истины; но знать это ей было ни к чему. И я попытался достойно выйти из положения:

– Да, конечно. Прости. С самого утра плохо себя чувствую.

Группа из трех человек успела уже скрыться, тот, плохо

одетый старик, тоже исчез, вокруг по-прежнему было спокойно. Я подумал, что к нынешним порядкам придется привыкать достаточно долго; простая логика в этом помочь не могла. Похоже, что облик здешнего полицейского оказался не самой лучшей защитой для меня, потому что кому еще разбираться во всех тонкостях здешней жизни, как не тому, кто стоит на страже закона – или, по крайней мере, должен стоять?

– Что? – Я поймал себя на том, что все последние ее слова пропустил мимо ушей, занятый своими размышлениями.

– Да приди же в себя наконец! Я говорю: до твоей смены – десять минут, потом я тебя провожу до участка, а после рапорта примемся за твое лечение.

– Рапорта? Ну да, конечно... Ладно, значит, через десять минут.

Я подумал о том, что эти минуты вряд ли в чем-то изменят ситуацию. Вся проблема была в том, что именно здесь следовало состояться randevu с экипажем, который – по моим расчетам – должен был прибыть именно с этим ползуном. В случае, если им удалось благополучно стартовать, разумеется. Но ни один из них не появился. Видимо, что-то сорвалось. А это значило, что я могу полагаться только на самого себя. Это сразу осложнило задачу самое малое на порядок.

Старик сказал, обращаясь к семерым, ускользнувшим от погони; сейчас они находились близ того места, где им обещали укрытие:

– К сожалению, доктор Зегарин не может к нам присоединиться: только что его арестовали прямо на вокзале, не успел он сойти с ползуна.

Ответом ему было невеселое молчание. Потом женщина сказала:

– Значит, все напрасно.

На что старик ответил:

– Будем искать других. В конце концов, нам нужны лишь двое. Я уверен – отыщем, не так уж беден Альмезот. Но пока нужно укрыться хотя бы тем, кто еще есть. Всем нам. Сейчас мы пойдем отсюда прямо в убежище. Не в обитель пока, туда нам рано. В другое место. Предупреждаю: оно покажется вам достаточно необычным. Но не надо ни удивляться, ни пугаться.

– Места-то знакомые, – молвил один из восьми. – Здесь где-то по соседству и строился тот самый завод...

– Вы не ошиблись, – подтвердил старик. – Туда мы сейчас и направимся.

– Станный выбор, – сказала та же женщина. – Но пусть будет завод, если там безопасно. А вот найдем ли двоих за

тот небольшой срок, какой у нас еще есть, откровенно говоря, не знаю.

– Найдем, – сказал старик, хотя голос его не свидетельствовал о полной уверенности.

5

Они устали, как собаки. Неизвестно почему, кстати: переброска была, как ей и полагалось, мгновенной, высадка – не то чтобы совсем уж спокойной, но, во всяком случае, в нормальных пределах. Не успев даже выйти из ВВ-станции, помещавшейся тут где-то на самой окраине, в месте, где, похоже, что-то собирались строить, возвели коробку, а потом передумали и забросили, что и позволило нелегальной ВВ-фирме использовать под свою станцию подвальный этаж, – не успев выбраться оттуда на поверхность, группа сразу же засекла полдюжины мужиков, ошивавшихся поблизости. Будь здесь ночь, как на Ассарте в пору их выброса, они не сразу, может быть, сориентировались бы, но здесь был день, хотя и не очень ясный – облачно, с ветерком и дождем, – и парни сами попались им на глаза. Ясно было, что и нелегальность местной ВВ-фирмы – липовая, и вся конспирация не более чем фиговый листок на причинном месте.

Вообще-то, члены экипажа чувствовали себя достаточно спокойно. Прибытие прошло благополучно. Обычно если и возникают какие-то сложности, то это происходит, когда вы

появляетесь в месте назначения и принимающая сторона решает вопрос: стоит ли вас пускать в этот мир или сразу же выкинуть обратно – туда, откуда пришли. Вот в эти мгновения все пятеро чувствовали себя не очень уверенно, были напряжены и готовы к самым крутым поворотам событий. Однако как раз с этим все обстояло благополучно, даже более чем. У неизбежного кордонного барьера, за которым начиналась собственно альмезотская территория, сонный чиновник задал им рутинные вопросы: «Откуда прибыли?» – «Из мира Ассарт». Он кивнул, индикатор протокола замерцал – вопросы и ответы тут записывались, как и на любой законной станции. «По вызову, по приглашению, по деловому вопросу, с туристическими целями?» Тут Рыцарь запнулся, но лишь на миг – не настолько, чтобы у контролера возникли какие-либо сомнения: «По вызову». Ответ, хотя по сути дела и правдивый, был не самым лучшим; но что сказано, то сказано, как говорится «так, не так – перетакивать не будем». Ответ записался. «Имя или название, адрес вызывающего?» Тут явственно запахло осложнениями, но пилотская быстрота реакции помогла Уве-Йоргену. Он сразу же склонился чуть ли не к самому уху встречающего и выдохнул едва слышно: «Особая Служба. Высший уровень секретности. Больше сказать не имею права». Клерк сразу насторожился, пробормотал: «Особая?.. Минутку...» – воткнулся глазами в монитор и разыграл на клавиатуре какой-то лихой, хотя и очень короткий пассаж. Поджал губы. Снова поднял гла-

за на Рыцаря: «Еще минуту...» Рыцарь счел уместным слегка нахмуриться, спросил, добавив немного резкости в голос: «Что вас смущает?» Чиновник ничего не ответил, только посмотрел в сторону – оттуда, из глубины подвала, уже приближался другой человек – в поношенном костюмчике, незаметный, как говорится – без особых примет. Остановился шагах в трех. С полминуты внимательно разглядывал прибывших, пятеро ответили ему столь же внимательными взглядами. Потом глаза нового действующего лица остановились на одном только иеромонахе Никодиме, раскрылись до пределов и тут же сузились до щелочек. Еще через пару секунд человек кивнул, проговорил, обращаясь к чиновнику: «Шесть и пять – разница есть? Считать умеешь? Ладно, на всякий случай...», махнул рукой, повернулся и убыл восвояси. Чиновник облегченно вздохнул, говоря: «Все в порядке. Больше вопросов нет. Желаю вам больших успехов».

Выглядело это так, словно прибытие группы действительно было кем-то планировано, и самым естественным объяснением просилось – капитан Ульдемир и тут успел как-то подсуетиться. А почему бы и нет? Все знали, что Ферма способна и не на такие мелочи, как организовать нужную запись в нужном месте и времени. «Спокойного дежурства», – пожелал Рыцарь, и экипаж благополучно покинул полуподвал и, поднявшись на дюжину ступенек, ступил на почву нового для себя мира, убедившись в благополучном для себя исходе переброски.

Следует признать, что на сей раз группа дала маху: увидев людей впереди – неправильно истолковала ситуацию и оценила ее неадекватно. Прибывшие решили, что это – того же сорта пассажиры, какими были только что и они сами, спешат на переброску и никаких неприятностей от них не придвидится, и не угадали, не стали избегать сближения на единственной дороге, что вела к долгострою, и спохватились тогда лишь, когда сошлись лицом к лицу и трое преградили дорогу, а остальные привычным маневром зашли за спину. Тут только стало ясно, что это – другого поля ягоды.

(Тут следует сказать несколько слов, чтобы не сваливать всю вину в последовавших вскоре событиях на одних лишь прибывших. Встречавший их по распоряжению омниарха полицейский патруль Храма был именно полицейским патрулем, а не подразделением почетного караула, и действовал именно так, как и всегда в случаях, когда предписывалось встретить, задержать и доставить. Поэтому и обратился соответственно, и действия производил привычные, стандартные.)

– Э-э, господа, – вежливо промолвил Рыцарь, – здесь, кажется, достаточно места, чтобы разойтись, не толкаясь.

Говорил он, конечно, не на местном языке – откуда всем им было знать его, их же к предстоящей операции никто не готовил, так что объяснялся Уве-Йорген на линкосе. Его, од-

нако, поняли и ответили незамедлительно и недвусмысленно:

– Нам приказано вас встретить и доставить. Так что сдайте оружие, если оно у вас есть, и следуйте за нами. А куда шестого девали? В сортире забыли?

Но в планы прибывших вовсе не входило, чтобы их куда-то доставляли, – тем более люди, даже не определившиеся при помощи хотя бы самого простого – числового пароля, принятого в экипаже с давних времен.

– Увы, – ответил Рыцарь, – в настоящее время, господа, мы лишены возможности выполнить вашу просьбу. Однако при первом же удобном случае, даю вам слово...

Представитель другой стороны лицом изобразил величайшее удивление и сказал, ни к кому персонально не обращаясь:

– Чего это он трясет воздух? Язык чешется? Или простых слов не понимает? Ну-ка, ребята, растолкуем им...

И через несколько секунд пятеро уже тихо-смирно лежали на земле. Пятеро, да. А шестой – тот самый оратор – обладал неплохой реакцией и почти что успел сбежать. Но индейцы всегда бегали быстрее, и через полминуты шестой присоединился к своей команде. Вот тут-то Уве-Йорген и сказал:

– Право же, устал я от всей этой городской жизни... Не желаю больше приключений, да и капитан наверняка уже для каждого придумал взыскание за нашу медлительность. Нельзя больше задерживаться!

– Погоди, Рыцарь, – сказал Питек. – А что с этими телами? Они через час-полтора очухаются и поднимут большой шум. Не лучше ли нам вытряхнуть их из шкур и влезть в них самим? Чтобы не вызывать новых осложнений.

Уве-Йорген с этим, однако, не согласился, да и остальные четверо тоже. Хотя Никодим, быть может, и не возражал бы: он и так существовал не в своем теле, и ему, в общем, было все равно – в чьей плоти обитать. Зато все остальные испытывали к своим природным телам сильную привязанность, и Георгий выразил ее в словах:

– Позорно бросать свое живое вот так, под открытым небом. А укрыть где-нибудь тут надежно и сохранно не получится. Чтобы мое мясо собаки рвали – нет, Питек. Другое дело – в схватке, но вот так – не согласен.

Оказавшись в меньшинстве, Питек спорить не стал. Сказал только:

– Будь по-вашему. Тогда хоть контрибуцию с них возьмем.

Против этого никто не выступил. Контрибуцию взяли оружием – у каждого поверженного оказался при себе компактный арсенал и холодного, и, можно сказать, «горячего» оружия. А также и разная житейская мелочь, начиная с карточек, служивших, судя по их содержанию, удостоверениями личности, служебными или общегражданскими – с ходу было не разобрать. У говоруна обнаружился и городской план – обычный, электронный, со сменой масштабов и выделени-

ем нужных районов. И под конец, критически обозрев друг друга, вновь прибывшие пришли к выводу, что одежда их поистрепалась настолько, что невольно станет вызывать подозрения у честных горожан. Да и фасоны совсем не те: полевая форма. Победенные же были упакованы весьма пристойно. Поколебались немного, но Питек, наименее подверженный предрассудкам цивилизации, сказал:

– Да все равно мы уже грабители, а остальное – детали. Раздеваем. Пусть подышат кожей – им полезно будет.

Переоделись, свое обмундирование захоронили в мусоре – его тут было в избытке. После чего Рыцарь подытожил:

– Спасибо этим, не знаю – кто они, за посильную помощь. Сейчас найдем то, что нам нужно.

Нужен был один из вокзалов, где и должна была состояться их встреча с капитаном. В последнем, принятом еще на Ассарте послании Ульдемира он был обозначен как вокзал «Ав». Но в последней редакции городского плана Кишарета в обозначениях и сокращениях возникли изменения, не успевшие еще стать известными даже Ферме. И, в частности, «Ав» теперь означало не автовокзал, а аэро. Понятно, что группа, строго придерживаясь указаний, направилась именно туда и уже менее чем через час оказалась в аэропорту. Потолкавшись там еще час с лишним, никем не встреченные и сами никого не встретив, не только Рыцарь, но и все остальные ощутили потребность в отдыхе. Гостиница «Голубой берег» оказалась ближайшей, туда они и направились, там и

поселились, не встретив для того никаких препятствий. Но вовсе не потому, что у них с аккредитацией все было в порядке: наоборот, совсем наоборот. Однако в Кишарете существовал такой порядок: принимать и селить всех, кто желает, – и сразу же отправлять всю информацию о новых постояльцах идентификам. Порядок, надо сказать, вполне разумный. Именно таким образом в полицейский участок и поступили сведения о пятерых, не поддающихся опознанию.

6

– Гер, да что с тобой, в самом деле! – Кажется, Вирга начинала сердиться уже всерьез. Почему она принимает во мне такое участие? Конечно, не случайно. Но только ли из желания поддерживать дружеские отношения с местной полицией? Желание естественное, но им дело явно не исчерпывается. Я снова прислушался к ощущениям своего тела. Ну конечно, мог бы догадаться и раньше. Тело по самую завязку наполнено влечением, памятью о былой близости и желанием новой. Вот оно что. Это в чем-то осложняет положение, но в чем-то и упрощает. Конечно, это явно не моя женщина, однако, во всяком случае, надо по возможности воспользоваться новой информацией.

Интересно, как он называет ее во внеслужебной обстановке? Вряд ли тут будет что-то замысловатое: похоже, что бывший хозяин тела обладал достаточно примитивным интел-

лектом. Попробую... С чем эта дама может ассоциироваться? Кошечка? Птичка? Мышка? Я знаю миры, в которых это вполне сошло бы за ласкательное имя. Однако ошибка может оказаться и грубой... Пока ясно, что мое нынешнее имя – Гер. И на том спасибо. А она... Обнаруженная мною в кармане записка была подписана буквой «М». Вероятно, с нее и начинается интимное имя или прозвище женщины. Что ласкательного в их языке на «М»? Очень непродуктивная буква. Макака – нет, конечно. Исключено. Мотылек? Это куда ближе. Лучше, чем Муха. Постой, а что, если просто...

– Милая, послушай...

Просчет – судя по выражению ее лица, мгновенно изменившемуся. Плохо. Но, к счастью, она, похоже, не любила откладывать обиду впрок:

– Ты же знаешь – я терпеть не могу, когда ты меня так называешь!

Рассердилась. Понятно. Нельзя оставлять этого так. Надо выходить из положения. Как же обратиться к ней? Я посмотрел на Виргу, и слово возникло само собой:

– Малыш, прости...

Она восприняла это обращение неожиданно. Широко раскрыла глаза. Неуверенно улыбнулась:

– Знаешь, это мне нравится. Называй меня так, когда тебе будет хорошо. Ладно?

– Конечно! Я так и хотел сказать. Просто в тот миг думал, как же мне написать в рапорте о том, что тут произошло

только что. Промолчать?

– Нет, ты все-таки не в себе. Доложишь, как обычно: один пассажир был снят с ползуна двумя людьми службы Храма, осложнений не произошло. И дело с концом.

Храм? Что это за храм, чья служба может задерживать людей без всяких возражений со стороны властей? Господи, тут надо начинать с азов, разбираться с самого начала, а для этого нужна и обстановка, и время. А из моих так и не прибыло ни единого человека. Все пошло кривь и вкось. Плохи дела, капитан.

– А скажи, Малыш...

– Потом, – одернула она меня. – Вот твоя смена.

И в самом деле – двухместный агрик с изображением той же драконьей головы на борту мягко опустился в нескольких шагах от нас. Дверца поднялась, из кабины вылез парень в такой же униформе, что была на мне. Направился к нам. Вирга – она же Малыш – поспешно отошла в сторонку. Видимо, в официальном ритуале места для нее не было. Я позволил телу принять строевую стойку. Сменщик приветствовал меня, подняв на уровень головы руку с раскрытой, обращенной ко мне ладонью. Я ответил тем же движением. Видимо, начинать следовало мне. Какие тут формулы приемки-сдачи? Вряд ли они сильно отличаются от повсеместно принятых.

– Дежурство прошло благополучно, нарушений порядка не было, прибытие и убытие транспорта согласно расписа-

нию. Дежурство сдал...

На долю секунды я запнулся: кто сдал дежурство? Не Гер же, это всего лишь имя. Ну, тогда... Я всегда хорошо запоминал цифры.

– ...сдал номер 716803.

– Принял 692559, – прозвучало в ответ. Слава Тебе, Господи, – сошло с рук.

– Гладкого дежурства, – пожелал я уже почти спокойно.

– Тихой подвахты, – услышал в ответ. И дополнительно: – Держись в третьем эшелоне, над перекрестком Зеленого и Оранжевого, в нижних как раз суতোлка, сам понимаешь.

Я не понимал, но утвердительно кивнул, мысленно благодаря его за информацию: значит, я должен воспользоваться тем же агриком. Интересно, что подумал бы сменщик, если бы я вместо этого двинулся пешком – да еще не в ту сторону?

– Эй, ты меня не прихватишь с собой?

Вирга обратилась ко мне так, словно мы с ней вовсе не были знакомы или же едва. Такая, значит, была игра. Да и в самом деле – не полагается полицейскому во время патрулирования заигрывать с девицами ни здесь, ни в любом другом мире.

– Ладно, – я слегка пожал плечами. – Влезай!

Я галантно пропустил ее вперед. Сгорают чаще всего на мелочах – например, на незнании того, как открывается дверца в этом аппарате. Я постарался запомнить движение, каким это сделала Вирга. Обернувшись, прощально кивнул

сменщику, он этого даже не заметил – двинулся уже в обход, показав нам спину.

Я уселся, медленно опустил дверцу, пытаясь наскоро разобраться в управлении. К счастью, Ферма догадалась вложить в мою память, среди прочего, и это умение. Очень хорошо; если бы я начал путаться в клавишах, моя соседка наверняка заподозрила бы что-то более серьезное, чем просто плохое самочувствие. Я нажал три из дюжины: «Авто», «Возврат» и «Старт». Этого оказалось достаточно.

Пока мы летели, я осмысливал новую информацию. Получалось, что, сменившись с дежурства, я не получал свободы действий: предстояло еще отбыть подвахту, то есть скорее всего – провести какое-то время там, куда я сейчас направлялся. Мелькнула мысль: сейчас в моем распоряжении есть транспорт, есть человек, из которого можно выжать куда больше информации, чем та, какой я владел сейчас. Я немедленно отверг этот вариант: исчезновение полицейского, да еще с агриком, не останется незамеченным, и я лишь спровоцирую операцию по моему розыску – нет, спасибо за такую роскошь, ешьте сами. В концентрированном виде оперативная информация стекается в полицейский участок. Правда, она в основном локальна, однако не зря сказано, что мудрец, увидев каплю воды, может представить океан; я, конечно, не Бог весть какой мудрец, однако же кое-что и в моих силах...
– Где тебя посадить?

Вопрос я задал через силу: высаживать Виргу означало –

садиться где-то, перейдя с автомата на ручное управление, а внизу и вправду была сутолока – и в двух нижних эшелонах, и еще более на улице. Я ощутил великое облегчение, когда она сказала:

– Вот еще. Обожду тебя на крыше, а потом попробую подлечить, что-то ты мне сегодня не нравишься.

– А если...

Она покачала головой:

– Да ведь тихо в городе, так что на крышу-то ты сможешь выйти.

– Ну, будь по-твоему.

Такой вариант меня вполне устраивал. Тем более что мы уже долетели и агрик, умело лавируя, пошел на посадку на плоскую, уставленную такими же машинами кровлю полицейского небоскреба.

Я все-таки замешкался с поднятием дверцы; Вирга, перегнувшись, ткнула пальцем в кнопку (оказалось, для того, чтобы открыть выход, надо было лишь нажать крайнюю справа клавишу). Я вышел и галантно протянул руку, чтобы помочь ей. Вирга отстранила ее и выбралась сама. Оглядевшись, сказала:

– Видишь свободные скамейки под навесом. Я подожду тебя там.

– Только не уходи, – сказал я.

Она улыбнулась в ответ, покачала головой, и я направился к будке на краю крыши, где единственно и мог помещаться

вход внутрь казенного здания.

На площадке перед лифтом былолюдно, наверное, потому, что смена закончилась не только у меня и освободившиеся полицейские прибывали для отбытия подвахты тем же путем, что и я, – через крышу. Здоровались друг с другом, обменивались короткими фразами вроде: «Ну, как прошло?» – «Да в норме, напрягаться не пришлось» или «Бузил там молодняк, пришлось приводить в сознание», изредка «Как жизнь, как семейство?» – «Спасибо, живы-здоровы, и твоим того же». И лишь однажды прозвучали слова, заслуживавшие, как мне показалось, внимания: «Был легкий шум – храмовые разбирались с какой-то братвой, о чем-то не договорились. Мы не влезали». – «Подметать много пришлось?» – «Да нет. Они сами потом все зачистили». – «Дров много наломали?» – «Шесть голов храмовых, но все теплые, только обчищены до нитки»... Не очень понятно, но любопытно, и я постарался отложить это в памяти для выяснения. А пока воспользовался этой паузой, чтобы внимательно просмотреть собравшихся, сколько успею. Потому что если уж мне удалось сойти за полицейского, то такое могло получиться и у кого-нибудь из тех, на поиски кого меня и послали. Но надежда эта быстро таяла: никого похожего здесь не нашлось; нет, жизнью духа тут и не пахло. А жаль.

Я, как и все, кивал и улыбался в ответ на такие же знаки внимания, запоминал людей – видимо, это были коллеги по службе, и с ними мне следовало добираться до нужного ме-

ста. Странно выглядело бы, если бы я начал задавать вопросы вроде: «Забыл, где мое подразделение, напомни...» – «А ты из какого?» – «Да забыл, понимаешь ли...» Нужный этаж оказался девятнадцатым, из лифта вывалилась сразу чуть ли не половина спускавшихся, затопали по коридору; я не отставал. Вошли в просторное помещение, его можно было даже назвать залом, хотя обстановкой оно походило на учебный класс: столики и стулья, но вовсе не ресторанный тип, скорее школьные парты; на стенах – плакаты: форма, строевые приемы, другие приемы – броски, захваты, удары... Видимо, то был действительно класс.

Приемы меня не очень интересовали, зато план города привлек внимание – крупномасштабный, с названиями улиц, обозначением главных, видимо, объектов с их наименованием и номерами, где одна часть города была залита салатным цветом в отличие от остальных, черно-белых, – то был, видимо, район этого участка. Я напрягся, запоминая, в мыслях совмещая с карманным планом, это заняло с минуту. Потом снова повернулся к залу. Половина мест была уже занята, вновь прибывшие без суеты расходились по местам, которые были, кажется, постоянными. Поэтому я еще помедлил, прислушиваясь к телу, потом позволил ему двинуться в нужном направлении, уселся рядом со здоровенным малым и принять ту же свободно-выжидательную позу, в какой здешний люд ожидал последующих действий. Пока все шло вроде бы благополучно, никто не заподозрил меня в подмене.

Минуту или две ничего не происходило. Затем прозвучала команда: «Внимание!» Все разом встали – привычно, не шумя стульями: появилось начальство, три человека. Поздоровались, один из них скомандовал: «К докладам!», все так же бесшумно уселись, и один, откуда-то из первых рядов, начал свой рапорт. Я старательно запоминал формулировки, чтобы не ошибиться, когда очередь дойдет до меня. Ничего сложного: «Номер... (цифры). Объект семнадцать. Без сбоев, без происшествий. Замечено продвижение знакомой группы из службы Храма к ВВ-станции – ну, той... Передано смене. Закончил». Ответ последовал: «Принято. Следующий!» Тут же начал докладывать сидевший рядом с первым: «Номер... Объект восемь. Без происшествий. Но отмечено появление на объекте пяти человек, ранее не встречавшихся. Замечены были близ этой самой ВВ-станции, где вступили в драку с людьми, как выяснилось, службы Храма. Согласно инструкции, вмешиваться не стал, отправил картинку в Идентцентр. В остальном все спокойно. Закончил». Один из начальников проговорил: «Принято. Обращаю внимание внешней службы: патрульный поступил совершенно правильно, не вступая в контакт с подозрительными лицами, но передав их идентификам. Номер заслужил среднюю благодарность. Следующий...»

Новость заставила меня насторожиться. Пять человек, замеченных близ станции ВВ, нигде не числящихся. Кто это, если не мой экипаж? Почему они, не успев ступить на эту

землю, уже оказались в конфликтной ситуации, попали под наблюдение, из-под которого вряд ли смогут так просто высвободиться? И не о них ли был услышанный мною на крыше разговор? Это уже засветка. Похоже, полицейская служба здесь поставлена серьезно. Теперь моя задача – установить со своими контакт – становится сложнее, чем представлялось...

Эти мысли заняли все мое внимание, и, может быть, к счастью: они помогли мне без излишнего волнения (а значит, и без сбоев) отрапортовать, когда очередь дошла до меня. Я просто продекламировал заранее сочиненный текст, который почти не отличался от остальных, за исключением разве что одной части:

– За десять минут до конца смены в районе объекта с бывшего малиретского ползуна был снят один человек силами Храма. Передано смене.

До того у меня были сомнения – стоило ли говорить об этом и тем самым привлекать к себе внимание, без которого я мог бы отлично обойтись. Но я доложил и, скорее всего, поступил правильно: по тому, что мое сообщение было принято начальством без особого удивления и тревоги, я заключил, что им об этом уже было доложено кем-то другим. У меня еще не было сколько-нибудь достоверного представления о сетях наблюдения и контроля, но уже сейчас ясно было, что патрульная служба на объектах была лишь небольшой и не самой главной ее частью. Так что умолчать об этом

означало бы – вступить на путь, ведущий напрямик к провалу. Интуиция не подвела. И я, благополучно закончив свой доклад, даже удостоился благодарности – правда, всего лишь малой, но и это я почел своей заслугой. Видимо, можно было считать, что на ближайшее время я обеспечил свою безопасность.

Однако не за этим же меня сюда послали, чтобы я устроил себе тут легкую жизнь. Да и не могло быть никакого покоя – теперь, когда я узнал, что мои люди, скорее всего, маячат в прицеле охранителей порядка.

Раз они в поле зрения полиции, да еще и каких-то идентификаторов и мало ли еще в чем-то, место, куда они в конце концов попадут, сочтя его пригодным для оседания, станет сразу же известно властям. Но прежде, чем власть воспользуется этой информацией для захвата прибывших, место их нахождения должен установить я сам, чтобы каким-то образом вывести их из-под удара. Каким – я сейчас не знал, но это меня пока не беспокоило: в конце концов, имелись у нас всякие способы, но для этого следовало сначала объединиться. И при этом не раскрыть себя.

Пока я думал об этом, доклады закончились, но команды «Разойдись» или хотя бы «Свободны» не последовало, и это заставило меня снова наострить уши: видимо, должно было последовать что-то новое, а все новое сейчас было для меня полезным.

Так и получилось. Старший из начальства проговорил:

– Переходим к обстановке и заданиям. Полиция Храма сообщает, что занята розыском какой-то группы из восьми человек, якобы пробирающихся к обители Моимеда – в чем-то там они провинились перед храмовыми законами. Но поскольку державных установлений они вроде бы не нарушали, передвигаться группой официально не запрещено, хотя и не принято, а прямой просьбы о помощи от Храма не поступало, мы этим заниматься не станем. У нас и своих дел выше головы.

Я невольно насторожился. Восемь, преследуемых Храмом? Храм – как говорится, по умолчанию – должен быть ближе к духовной жизни, чем все остальное в любом мире. Однако же опыт подсказывает, что нередко вывеска не только не соответствует содержанию, но и прямо ему противоречит. Обитель Моимеда? Если она имеет отношение к Храму, то зачем гнаться за людьми, которые и так туда направляются? Хотя, может быть, эта восьмерка – ну, скажем, террористы и пробираются они туда для совершения какого-то соответствующего акта, поэтому их просто хотят перехватить вовремя? Или дело лишь в том, что они движутся группой, в мире одиночек уже одним этим вызывая подозрение? Ладно, подумаем об этом, но пока я и сам болтаюсь на тонкой ниточке, так что – все внимание тому, что происходит здесь и сейчас. Не пропуская ни слова из того, что говорит начальство.

– ...А станем мы заниматься вот чем. Первое: в город при-

была делегация провинции Канидо с петицией в адрес Державного совета по поводу перераспределения налогов. Задача: не допускать, задержать и выдворить. Серьезного сопротивления не ожидается. Исполнители: шестерка в составе...

Последовали номера. Моего среди них не оказалось – вот и прекрасно. Однако так называемая подвахта тут вовсе не означала приятного времяпрепровождения в борьбе с одолевающим сном. По сути дела, она и была настоящей службой. Интересна и сама задача: какую-то делегацию выкинуть, не допуская ее до встречи с, по-видимому, органом верховной власти. Демократия по-альмезотски? Любопытно. Что дальше?

Похоже, сложность заданий тут увеличивалась по мере оглашения: первое было самым легким и безобидным.

– Второе: Торговый комитет Державного совета намерен провести внеочередное заседание для обсуждения законопроекта об изменении налога с оборота. Не допустить, для чего всех членов комитета изолировать до завтрашнего утра, способы на усмотрение группы. Предоплата произведена. Исполнители...

Без меня. Ура. Интересная картина возникает, однако. Полицейский участок решает – собираться органу Большого совета или нет. Это к вопросу о том – кто же тут настоящая власть. Очень полезная информация.

– Задание три. Разборка, о которой тут было доложено, носит несколько необычный характер. А именно: пяте-

ро неопознанных оказали успешное сопротивление парням из полиции Храма. По этому поводу Храм тоже обратился к нам; однако они просят только установить местонахождение пятерки и сообщить о нем, но не принимать никаких мер к их задержанию и выяснению – откуда, что, зачем и так далее. Но вот тут мы с ними согласиться не можем. Не знаю, чего они там между собой не поделили, однако со станции ВВ поступила информация: один из этой пятерки является давно объявленным в розыск преступником, кликуха – Кошелек, по имевшимся сведениям, из нашего мира эмигрировал в прошлом году, теперь, значит, вернулся. Следует думать, что и остальные четверо – люди того же пошиба. Розыск и изоляция таких иммигрантов – это уже наш хлеб, а не храмовый. Зафиксировано место остановки неизвестной пятерки: отель «Голубой берег», номера 76 и 78. Тихий захват. Доставить сюда для установления личностей, обстоятельств и целей их появления, а также источника. Для чего уже дана команда изолировать тридцать седьмой квартал, блокировать население в домах и учреждениях и повязать гостей по возможности спокойно. Мы не станем спешить с оповещением полиции Храма, но возьмем их сами, прокачаем как следует и потом уже решим, что и как делать. Операция отнесена к чрезвычайным. Оплачено будет на месте. Возможное сопротивление подавить любыми средствами. Группа – двенадцать человек, номера...

Я с напряжением вслушивался. На этот раз мне очень хо-

телось оказаться в составе этой группы – понятно зачем. Но меня вновь обошли вниманием. Спасибо и на том, что сообщили место, где ребята окопались. Интересно, долго ли еще продолжится распределение заданий?

Последние две задачи меня уже не интересовали. В последнюю группу, которой поручено было самое, похоже, трудное и неожиданное – обеспечить беспрепятственное ограбление банка «ТДП-Кредит», – попал мой сосед по парте. Услыхав свой номер, он удовлетворенно ухмыльнулся и не удержался от выражения радости:

– Там десять процентов будут наши – представляешь, сколько это? Мне как раз не хватало до нового прыгуна...

– Повезло тебе, – откликнулся я, стараясь как можно натуральнее изобразить зависть.

– Да уж... Не то что тут киснуть до самого отбоя.

Тут прозвучала наконец команда, означавшая, что сбор закончен, свободные от заданий медленно потянулись к выходу. Я постарался выбраться из зала в числе первых. И успел занять место в первом же лифте, отправлявшемся на крышу.

Поднимаясь, я больше всего опасался того, что у Вирги не хватило терпения и она исчезла; сейчас она была мне очень нужна, никто другой не смог да и не захотел бы мне помочь.

На скамейке ее и в самом деле не оказалось. Я приуныл было, но ненадолго, взглядом обнаружив ее у балюстрады, огораживавшей крышу. Бросился к ней, лавируя между взле-

тающими агриками с полицейскими эмблемами и членами групп на борту. И в глазах ее увидел радость. «Лишние сложности», – промелькнула мысль. «Наоборот», – возразила ей другая. Ладно, увидим...

– Малыш, – проговорил я, одновременно сделав руками движение, словно собираясь обнять ее и только усилием воли удержав себя от этого. – Как хорошо, что ты не ушла...

И даже сердце екнуло у меня – с такой радостной готовностью подалась она вперед, навстречу несостоявшемуся объятию. Господи, да она и в самом деле... Ох, нехорошо получается.

Но дело – важнее. Ради его успеха ты должен быть готовым при случае пожертвовать и собственной жизнью, не то что...

Жизнью – да. А честью?

Но сейчас – не до этических капризчо.

– Малыш, можешь ты сейчас оказать мне услугу? Помочь. В очень важном для меня деле.

Не согласие и не отказ увидел я на ее лице, но удивление. Наверное, я – да нет, конечно, не я, а прежний жилец в этой шкуре, рыцарь дубинки, – никогда раньше не обращался к ней с такой просьбой. Или скорее не в содержании просьбы была необычность, а в форме, в интонации. Не сообразил вовремя. Тут нужно было иначе, куда более уместным оказалось бы повелительное: «Ты это... Быстро... Вот что сделай!» Привокзальная дама наверняка привычна именно

к такой манере. Придется перевести на ее язык.

Не понадобилось, однако: удивление оказалось мгновенным, а сменившая его улыбка не то что радостной, скорее – торжествующей, словно бы Вирга только что обрела нечто, чего давно уже добивалась, на что надеялась, но до сей поры не получала. И ответ ее прозвучал соответственно:

– Гер, ты же знаешь – я для тебя все, что угодно...

И ни с того ни с сего я вдруг уже во второй раз за последние часы подумал – нет, даже не подумал, ощутил: весна, как бы там ни было, а тут весна...

– Молодец, Малыш. Тогда слушай: сейчас, немедленно, как можно скорее, любым способом лети в «Голубой берег» – знаешь? (Она кивнула.) Там номера... В них пятеро мужиков. Передашь любому из них...

Еще пару секунд я смотрел ей вслед, и на душе у меня было странно.

Но вовремя спохватился и собрался. Я уже представлял себе, что такое подвахта: бездельничать не дадут, обязательно к чему-нибудь приспособят, подчиненный всегда должен быть озадачен – в этом альфа и омега воспитания личного состава любой службы. Сейчас начальство как раз решает: кого куда засунуть; в таком хозяйстве занятие всегда найдется. И вот пока еще не началась раздача подарков, следует исчезнуть: мне здесь больше делать нечего, не мой профиль. Главное удалось неожиданно установить: экипаж прибыл, и вскоре – через полчаса, по моей прикидке, – к ним нагря-

нут представители власти. Что там за уголовник обнаружился, которого здесь разыскивают? Что-то там ребята сделали не так. Наверное, иначе нельзя было. Ладно, сейчас моя задача – отправиться туда, куда должна их привести посланная мной женщина. Иными словами – к тому вокзалу, где ожидало меня мое родное тело и где витали, наверное, в изрядной растерянности тонкие тела блюстителя местных порядков. Произведем обратную замену, но сразу же погрузим его в сон на час-другой. Потом у него возникнет немало проблем. Но об этом пусть его голова и болит, у меня своих забот будет по горло.

И я сказал своему единственному знакомому – тому, с кем сидел рядом на докладах:

– Спустишь на пять минут – забыл про одно дело.

– Смотри, знаешь ведь – вдруг понадобишься.

– Да я мигом. Одна нога здесь, другая – там.

Так оно и должно быть. А потом – и первая нога тоже там. И – с приветом.

Глава 5

1

Итак, нелегально прибывшие в мир Альмезот пятеро, заняв два смежных номера, стали приводить себя в порядок и готовиться к отдыху. У них для этого имелось шесть часов, поскольку в капитанском послании было оговорено: если первый контакт почему-либо не удастся, то второй должен состояться через шесть часов – но тогда уже ожидать не час, а вдвое меньше. Успели вымыться, с удовольствием поели бы, но было нечего, а пытаться раздобыть что-нибудь, не зная порядков, даже и того, как тут что оплачивается, – не рискнули. И решили: сперва отдохнуть, а потом они, конечно, встретят капитана, и уж он растолкует, что и как делать.

И только-только разошлись по постелям, как в дверь стали стучать – сильно, настойчиво. Выразительно. В ту дверь, за которой был двухместный номер, занятый Рыцарем и Питekom.

Они переглянулись и решили было оставить стук без внимания. Но он повторился – и еще сильнее. Такой грохот мог привлечь внимание соседей или персонала, и Питек сказал: – Вот кому-то приспичило! Рыцарь, будь на «товьсь!».

Подошел бесшумно к двери. Вслушался. Поднял один палец, что означало: по ту сторону ее – один человек. Слух у Питека был таким, что стук сердца он улавливал и за десяток метров – особенно если человек перед этим совершал какие-то усилия. Распахнул дверь.

За нею оказалась женщина. Не то чтобы уж очень, но в общем ничего. А Питек всегда испытывал слабость к женщинам. Даже в гостиницах. Даже к незнакомым. Платить, правда, было нечем, но эту проблему он как-нибудь уладил бы. Другое дело – что на второй койке расположился Рыцарь, а Уве-Йорген в этом отношении был не мужиком, а каким-то чистоплюем и ничего подобного не допустил бы. Просить же его побыть в соседнем номере сейчас у Питека и язык не повернулся бы. Поэтому он сказал сожалеюще:

– В другой раз, красавица. Жаль, конечно, но... И в номер рядом тоже не обращайся.

Женщина же, пока он говорил, смотрела на него таким взглядом, словно сравнивала то, что видела, с каким-то образцом, хранящимся в ее памяти. И едва он умолк, спросила:

– Ты Питек – так ли? – говорила она на линкосе бегло, но с сильным акцентом. Понять ее было можно, однако приходилось напрягаться.

– Ну, так, – ответил Питек, несколько опешив.

– Один-девять-два-девять.

И секунды не потребовалось, чтобы оценить сказанное. После чего Питек повернулся к своему соседу. Но Рыцарь и

сам услышал – и оказался уже на ногах, командуя:

– Впусти. Закрой дверь. И поднимай всех. По тревоге!

И неожиданной гостье:

– Доведешь до места. Так?

Она, однако, ответила неожиданным:

– Сколько заплатишь?

Впрочем, это Рыцаря не испугало, хотя и слегка удивило. Они уже не были на абсолютной мели: вместе с гардеробом позаимствовали у побежденных и кошельки в соответствии с древней дилеммой: кошелек или жизнь. Правда, представления о здешних ценах у них еще только начинали складываться. И были они не очень-то благоприятными. На Ассарте все стоило куда дешевле.

– Сколько возьмешь?

– По дикону с головы, всего, значит, пять.

Рыцарь готов был кивнуть, но вмешался Питек: интуиция подсказала ему, что если сейчас не поторговаться, это покажется подозрительным.

– Да ты в своем уме? Три за всех, и дело с концом.

Женщина усмехнулась:

– Тогда ищи сам. Может, к утру и отыщешь.

И добавила еще:

– Если бы не Гер вас ждал, вы бы и десяткой не отделались. Ну, решайте. А то мне здесь делать нечего, зря время теряю.

Упомянутый ею Гер был фигурой неизвестной, но цифро-

вая команда могла исходить только от Ульдемира. Он ждал, и выбирать не приходилось.

– А ты точно доведешь? Не то смотри – мы люди крутые!

– Ох, испугал. Так срядились?

– Ладно, бери свои пять. Веди.

– Так бы и сразу – уже на полдороге были бы...

2

Может быть, конечно, Вирге и не следовало брать деньги с людей, зачем-то понадобившихся Геру? Ну а почему работать на них даром? Такое не принято. На свете все измеряется деньгами и все делается ради них, это волшебная материя, которую можно превратить во все, что угодно, а с другой стороны – и все, что угодно, можно превратить в деньги – правда, уже по другому прейскуранту.

С этим убеждением Вирга, как ей казалось, появилась на свет, с ним прожила свои тридцать с лишним альмезотских лет (что, в общем, почти соответствует земным) и ни разу в нем вроде бы не разочаровывалась. Правда, за последние годы все чаще возникали у нее какие-то, ну, не сказать, что сомнения, но ощущение того, что на самом деле это не совсем так, а может быть, и совсем не так. Что на свете может быть и даже, наверное, есть что-то не менее, а даже более важное, чем деньги, чем диконы и даже галлары, что-то такое, что не выражается в цифрах и потому не вмещается в

рамки бухгалтерии. Такие вот непонятные ощущения стали возникать. Однако Вирга об этих странных чувствах никому, конечно, не говорила, и когда они в очередной раз начинали шевелиться в душе, старалась побыстрее их прогнать, забыть, вернуться к нормальным и жизненно важным мыслям, а если получится – побыстрее найти еще одного постояльца и взять с него хоть на чуточку, да больше обычного; это помогало. Вот и сегодня вдруг, ни с того ни с сего возникли вдруг там, у вокзала, подобные сомнения – и она сейчас торопилась избавиться от них.

Единственным человеком, с которого она денег не взяла бы – да и не брала на самом деле, – был Гер, но это – особая статья. Гер был ее крышей, охранял и берег, не мешал заниматься своим делом, а главное – и он с нее денег не брал. Не значит, конечно, что она ему не платила; платила с самого начала, с того дня, когда, оставшись в одиночестве после того, как родители сгинули неизвестно куда, она, совсем зеленая, семнадцати годков, вынуждена была сама себя обеспечивать. Выбор был небольшой, и, скорее всего, оказалась бы Вирга на улице, если бы не единственное оставшееся после родителей наследство: дом. Пусть и не Бог весть какой, пусть и не близко от кишаретского центра, – но был он, в общем, современным домиком с удобствами, даже с садиком, пусть и в носовой платок размером, четыре жилых комнаты. Она быстро сообразила, что ей и одной комнаты за глаза хватит, а то и вообще можно на кухне жить, там места хватало, а жилье

сдавать: в Кишарете всегда толклось полно народу со всего мира, и хотя гостиниц было немало, но если за постой просить хотя бы чуть поменьше, клиентов найдется достаточно. Этим она и начала заниматься, но едва заселила третью комнату, как явился к ней гость, на какого она не рассчитывала. добрый молодец, понятным языком объяснивший, что дом – вещь такая: сейчас есть, а через час глядишь – и одни головешки остались, ку-ку. А чтобы дом стоял и дело процветало, хватит ей сорока процентов выручки, остальное же отдай, не грехи. Она, умненькая, не стала ни возмущаться, ни даже торговаться, только кивала головой в знак согласия. Из того, что успела получить, тут же пришлось шестьдесят процентов отдать. Визитер ушел, похвалив за разумный подход к делу. Она же, после простеньких расчетов, поняла, что сорок процентов ее не вывезут: дом, конечно, приносит деньги, но их и вкладывать в него нужно постоянно, тем более что постояльцы, зная, что не у себя живут, и вели себя соответственно – после каждого из них приходится что-то приводить в порядок. А кроме того, и питаться как-то нужно, и время от времени обновлять гардероб, потому что ведь когда ищешь клиента, то сама являешься как бы живой вывеской своей фирмы и выглядеть должна соответственно. Если ты в обносках, к тебе и пойдут такие же, а у таких нередко случаются сбои с оплатой, иные пытаются улизнуть, так ничего и не заплатив, а это говорило о том, что, с одной стороны, крыша, конечно, нужна, но с другой, сорок процентов – это

все равно что даром работать на дядю. Нужна была другая крыша – и Вирга довольно быстро поняла, где надо ее искать. И нашла.

Ей в этом, конечно, повезло, потому что полицейский по имени Гер, только недавно переведенный в патрульную службу из вневедомственной охраны, жил тут неподалеку в однокомнатной квартирке. Так что им приходилось пересекаться в окрестностях. Она начала при встрече ему улыбаться; он, понятно, это заметил, ему это польстило, потом она однажды остановила его, обратившись с каким-то пустяковым вопросом, касающимся его службы. Разговорились; она пригласила его заходить, он воспользовался приглашением, и за чашкой душистого травника она как бы невзначай пожаловалась ему на свои обстоятельства. Гер нахмурился, развивать тему не стал, пообещал только выяснить, кто и что. Но уже через два дня, снова придя в гости (с коробочкой пирожных), сказал, что проблема решается: ее «крышники» не от серьезных домов и кланов, а так, шантрапа, самодеятельность, так что справиться с ними особого труда не составит. И действительно, в очередной день – а тот парень приходил раз в неделю, по понедельникам, – визит не состоялся, да и вообще никогда больше Вирга о них ничего не слыхала. Она испытывала огромную благодарность и понимала, что это тоже не даром и за это придется платить – надеялась только, что меньше. Этот вопрос она без обиняков задала при первой же встрече после того понедельника: спросила – сколько.

Он помолчал, глядя то ей в глаза, то отводя взгляд куда-то в сторону, потом сказал: «Я человек серьезный (это она уже поняла) и понимаю: с тебя если брать сколько полагается – сгоришь, у тебя ведь ни корней, ни связей, а если брать мало – мне как бы будет обидно, да и если узнают – перестанут уважать. Я ведь не только тебя крышую. Есть другой вариант. У меня сейчас никого нет. Ты девушка приглядная и умная. Значит, так: деньгами я с тебя ничего брать не буду. А буду, как говорится, натурой. Если, конечно, согласишься». И взглядом задал вопрос: да или нет?

Она уже с первых его слов поняла, о чем пойдет речь, и заранее этот вопрос решила. Такой вариант еще раньше возникал в ее собственных мыслях. И не только по причинам денежным. Она уже убедилась, что таким, как она, одиночкам в жизни приходится трудно. Постояльцы, как правило, были мужиками в активном возрасте, и все их прикасания, похлопывания и раздевающие взгляды заставляли все время жить в напряжении: проституткой становиться она не собиралась. Опыта в обращении с козлами у нее практически не было, не успел сложиться, в семье порядки были строгие; и тут она, сама того не желая, не умея защититься, уступила один раз одному, другой – другому, никакой радости от этого не испытав, напротив, лишаясь уважения к себе самой, без которого жить нельзя. И мысль о Гере как ее мужчине – нет, не муже, такого поворота она пока даже в мыслях не допускала, но близкого человека, к чьей помощи и защите

можно прибегнуть, – мысль эта успела у Вирги утвердиться. Опять-таки не о любви речь шла, она уж точно этого чувства не испытывала, да и он, пожалуй, тоже, но какое-то влечение было, физически он был мужик ладный, характер вроде бы терпимый, хоть и мрачноватый – ну, у него служба такая, специфическая (это слово она не без труда обнаружила в своей памяти), – чего же лучше? Поэтому сейчас она даже не попросила минуты на размышление, но ответила сразу:

– Да. Но с условиями.

Он поднял брови и даже, кажется, слегка усмехнулся, что ему, вообще-то, не было свойственно.

– Жениться на мне ты не собираешься...

– Рано заговорила об этом, – перебил он ее. – Я про это так понимаю, что для такого дела нужна хорошая база. А у меня пока ее нет. Да жизнь покажет.

– Я и не жду этого и просить не собираюсь. Жизнь покажет, ты прав. У каждого свой дом, свое хозяйство, пусть так и остается. А условие у меня одно, вот какое: я у тебя – единственная баба, и больше никого в твоей постели не будет. Можешь удержать себя в таких рамках? Не так, как мои постояльцы: иной каждый вечер новую приводит. Меня от этого тошнит. Можешь?

Похоже, Геру такая ее твердость в этом вопросе понравилась – потому, может быть, что означала: в его отсутствие и сама она искать других утех не станет.

– Могу, – ответил он уверенно. – Скажу прямо: когда на-

чал к тебе сюда ходить, на других даже не смотрю. Не волнуют.

Вирга при всей своей неопытности знала – успела послушаться, – что такие заверения мужики хотя и делают искренне, но хватает этого ненадолго – такова их сволочная мужская природа. Однако, как говорится, все мы помрем – но до смерти еще дожить надо...

– Чего же ждем? – Она поднялась из-за стола. – Иди ко мне...

Вот так это началось и сколько уже времени продолжалось благополучно. Он свое слово держал, и она тоже. Он ей давал безопасность, она же, кроме близости, тоже порой помогала ему – хотя бы окна помыть или отчистить холодильник от месячных потеков и наростов; мужчины на это чаще всего просто не обращают внимания, не желают понимать, что от этого, во-первых, все болезни, а во-вторых – просто некрасиво... Два раза в среднем в неделю лежали в постели – всегда у нее; похоже было, что в представлении Гера его жилище и секс были понятиями несовместимыми, словно бы не в квартирке обитал он, а в келье, в недалекой отсюда обители. Такой календарь обоих, видимо, устраивал; ее, во всяком случае. Разговор о женитьбе-замужестве с того самого вечера больше не возобновлялся. Потому, наверное, что обе договорившиеся стороны превыше всего ценили самостоятельность и независимость, хотя в глубине души Вирга понимала, что ее-то независимость была материей условной,

иллюзорной, без опоры на Гера от самостоятельности вмиг бы ничего не осталось: мир вокруг не становился мягче, наоборот – свирепел не по дням, а по часам. Недаром у Вирги порой возникала даже и вовсе странная мысль: и куда этот мир катится, все убыстряя движение? Не к добру, нет, никак не к добру. Куда же? Задав этот вопрос, женщина сразу же себя обрывала: не ее ума были такие дела. Катится, и все мы с ним, вот прикатимся – тогда и увидим. Сегодня живем более или менее нормально вроде бы – ну вот и слава Богу. Или кому там...

Но человек не всегда властен над собой. И Вирга ничего не могла поделать со странными ощущениями, какие возникали у нее в те самые мгновения, когда следовало бы, кажется, быть полностью довольной всем. Ощущения нашептывали, что отношения женщины и мужчины вовсе не обязательно исчерпываются таким вот союзом, что есть какая-то другая близость, куда более тесная и – тут она затруднялась найти слово – близкая (хотя вроде бы куда еще ближе!), даже не близость, а взаимное проникновение, когда ты вся – в нем, а он – в тебе, и вы оба на самом деле – один человек, и для человека этого деньги и вообще благополучие – вовсе не самое главное в этой жизни. Вирга гнала эти ощущения прочь, слишком уж они казались нелепыми. Но какая-то пустота оставалась, словно существовало в душе женщины местечко, так ничем и никем не занятое. Похоже это было на картинку другого, прекрасного мира, где ты никогда не бы-

вала и не побываешь, но знаешь, что он существует. Такие вот необъяснимые странности.

А вот сегодня – почудилось ей – что-то стало меняться. Хотя спроси ее кто-нибудь, что именно, Вирга слов для ответа не нашла бы.

Впрочем, быть может, поразмыслив, сказала бы, что Гер сегодня был каким-то, ну, не таким, как обычно. А ведь она вроде бы уже знала его досконально, изучила волей-неволей до мелочей, и каждое его слово в привычной обстановке, и всякое движение были ей заранее известны; это и делало такую жизнь возможной и нетрудной: потому что худшее, что можно себе представить, – это каждый раз заново открывать человека, близкого тебе, никогда не зная, что он скажет или сделает в давно знакомой ситуации, как откликнется на то и на это... Для такой жизни необходима подлинная любовь, такая, которая через все перешагнет, даже через себя. А такой любви между ними не было сначала, не возникло и потом. А вот сегодня... Еще там, на вокзале, почудилось ей. Нет, что-то не так нынче с ним.

Может быть, первым, что она заметила, были его глаза. Хотя не совсем так, глаза-то остались прежними, небольшими, серыми, глубоко сидящими под короткими, но густыми бровями. Не глаза, а то, что бывает видно в них: душа, что ли? А может, ум? Понимание чего-то? Какая-то необычная глубина? Что-то такое, что из них исходит – или же не исходит. Вот сегодня оно вдруг стало исходить, а до сих пор

никогда такого не случалось. Но не одни лишь глаза. В чем-то неуловимо изменились и движения его, и ощущение, какое она испытывала при его прикосновениях: еще вчера это было просто ощущение прикосновения – и ничего больше. Кожа ощутила, а что же прикоснулось – его ли рука, или, скажем, дверью слегка задело, или зацепила низко свесившаяся ветка дерева – разницы не было. А на этот раз хотя прикосновений таких было немного, но каждое из них стало как удар током – не очень сильным, но ощутимо встряхивавшим, заставлявшим как бы иначе увидеть все, что было вокруг, весь мир. Непонятно это было и немного страшно, как страшна всякая неожиданная новизна. Страшно, но и чем-то привлекательно до того, что она сама готова была снова и снова тянуться к нему, чтобы еще раз ощутить подобное; и куда девалась вдруг ее привычная сдержанность во всем?

А вслед за этим возникло вдруг и еще одно новое чувство. Вот какое: если до сих пор всякий раз, когда в голову ей приходила мысль о неизбежном, раньше или позже, но неизбежном расставании с ним, единственным чувством оказывалась боязнь незащищенности и сознание необходимости нового поиска широкой спины, за которой можно чувствовать себя спокойно, то сегодня там, на крыше полицейского участка, она ощутила вдруг нечто совершенно иное: не спину потерять оказалось страшно, но вот именно его, сегодняшнего, с новым взглядом, прикосновениями, с откуда-то явившимися вдруг интонациями голоса, каких раньше

не слышалось. И как-то не думалось уже о безопасности, но лишь о том – не лишиться его, человека, а вовсе не благо-склонной к ней силы, какую он воспринимался до сих пор. Мало того, совершенно для нее необычным явилось вдруг – впервые в жизни – возникшее откуда-то из глубины желание отдаться ему вот сейчас, тут, на крыше, у всех на глазах и испытать что-то такое, никогда еще не переживавшееся; да ведь всего лишь позапрошлой ночью у них была обычная близость, табельная, так сказать, никаких непривычных ощущений, как и всегда, не вызвавшая, недаром Вирга давно уже пришла к выводу, что фригидность – ее удел, ничего не поделаешь, не всем дано познать мгновения эйфории, как не всем – быть сильными и не всем – богатыми. Она, как и всякая – или почти всякая – женщина, подыгрывала, понятно, изображая томление и приступ наслаждения, – на деле же внутренне облегченно вздыхала, когда процесс заканчивался. А вот сейчас...

Отсюда, наверное, возникло совершенно неожиданное и для нее самой, непроизвольно вырвавшееся: «Ты же знаешь – я для тебя все, что угодно, сделаю!» И подлинная готовность действительно сделать все, чего он потребует. Это при том, что и он никогда доселе ее в свои дела, какие угодно, не вовлекал, и сама она никогда не выражала такого желания, потому что у нее и своих забот хватало, да и чем меньше знаешь, тем спокойнее спишь. И Вирга испытала какую-то совершенно непонятную радость, кинувшись очертя голову

выполнять то, что он ей поручил. Добралась до «Голубого берега», нашла тех людей и точно передала. А также согласилась и довести их до нужного места, хотя об этом Гер не просил, но она почувствовала, что если она это сделает – ему будет приятно, и согласилась.

Ну а то, что она за это потребовала заплатить, – это совершенно естественно было: эту услугу она оказывала в первую очередь пятерым незнакомым, а не Геру. А всякая услуга должна быть оплачена, и чем щедрее – тем лучше, на этом стоит мир, стоял и будет стоять.

Но раз уж ты взяла деньги, то и выполнить принятое на себя обязана наилучшим образом, на этом строятся все деловые взаимоотношения. Вирга так и поступила. Перед уходом из гостиницы спросила, как им лучше: побыстрее оказаться на месте – или поскрытнее. Человек, с которым она договаривалась, слегка усмехнувшись, ответил: «Хорошо бы и так, и этак, но все же безопасность важнее».

Она кивнула и повела их не по людным улицам, а по обходному, далеко не всем известному маршруту (какие существуют всегда и везде): дворами, переулками, задками, где и темнее, и грязнее, и дольше. Зато праздный люд сюда не заходит, и даже силы порядка проникают только по какому-то конкретному заданию, если произошло что-то серьезное. А те, кто пользуется этими маршрутами постоянно, люди крайне нелюбопытные и на тех, кто вдруг попался на пути, таращиться не станут. И им ответят точно так же: разойдутся,

словно бы не заметив друг друга, потому что первое правило тут – не совать носа в чужие дела; а кто этого не понимает, тот не жилец. Все это – такие же непеременимые компоненты любой технологической цивилизации, как и войны, коррупция и духовный регресс. За все приходится платить – не в этой жизни, так в другой. Но там – по иным, более высоким ставкам.

3

Вирга свою работу выполнила: всех пятерых в целости и сохранности, без всяких происшествий довела до условленного места, а именно – до автовокзала. Теперь они стояли под навесом, оглядываясь, и в этом не было ничего удивительного: пятеро оказались тут впервые в жизни и сейчас осуществляли, так сказать, привязку к местности. Но куда удивительнее было то, что и сама их проводница стояла и осматривалась с некоторым недоумением, словно бы ожидала увидеть тут нечто совершенно другое. Хотя это было ее, можно сказать, рабочее место, здесь она искала постояльцев, когда освобождалась у нее одна из комнат, и вряд ли могло тут быть что-то такое, что вызвало бы у нее подобную оторопь. И вот тем не менее.

На самом же деле и для нее нашлось чему удивиться.

Нет, не тому, что Гер оказался здесь, она помнила, что он сказал ей на крыше: «Я их там встречу, остальное – уже моя

работа». А то, как он повел себя, когда они приблизились. Можно было ожидать, что он и сам подойдет и, самое малое, вступит в какое-то общение с людьми, приведенными сюда по его просьбе, приказу, распоряжению – все равно. И, завидев ее, скажет хотя бы спасибо за то, что она все так быстро и хорошо сделала.

На деле же он с их приближением сперва как бы заметался из стороны в сторону. Как если бы собирался скрыться. Как будто этих людей он вовсе не ждал. И вдруг почувствовал себя перед ними слабым. Что для него, насколько она знала Гера, было не характерно.

Она торопливо подошла к нему, стремясь понять – в чем же дело? Он же, увидев и опознав ее (света тут сейчас было мало, ночами движение почти прекращается, одна-две машины за всю ночь, да и то транзитных, так что большой свет включают только на краткое время их стоянки: режим экономии, свет стоит денег), посмотрел – и взгляд его выражал растерянность – и тихо, только для нее, пробормотал:

– Ты зачем сейчас здесь? А хотя – все равно... Что-то такое со мной – ничего не понимаю. Почему – ночь? Я же днем должен был смениться... Где я был? Все сроки прошли для доклада, да? Как объясню?..

Она смотрела на него, пока он говорил, – и все внутри ее рушилось и холодело. Потому что сейчас Гер снова оказался прежним – с невыразительным взглядом, монотонной речью и полным отсутствием того ощущения, какое совсем недавно

пережила она на крыше.

– Гер, что с тобой? Мы же совсем недавно...

– Что? Не знаю, не знаю... А эти? Что за люди?

Действительно: что за люди? Они ведь спешили сюда, да же неплохие деньги за это отдали, чтобы встретиться с ним! А сейчас кучкой стоят в стороне, осматриваются и к Геру вовсе не желают приблизиться. Может быть, она им мешает? Так пусть скажут...

Она кивнула им, подзывая. Но они, наоборот, отступили на пару шагов подальше. Нет, они не искали встречи с Гером. Что же тут, в конце концов...

– А эти? – голос его был сдавлен, словно кто-то держал его за горло. – Почему они тут?

– Я привела. Ты же просил...

– Я? Ты спятила. Ты же видишь, как они одеты, – это храмовые бойцы. Что они – по мою душу? За что?

– Но ты же сам...

– Тсс...

Слабый звук послышался невдалеке: кто-то приближался, насвистывая. Кто-то? Да нет, просто патрульный, один из многих сослуживцев Гера, тот, чья очередь сейчас была патрулировать тут. И его приближение послужило как бы сигналом к началу всеобщего движения, на первый взгляд хаотического.

Гер, увидев коллегу, сказал Вирге скороговоркой:

– Бегу, а ты только не говори ему, что я тут был. При нем

они за мной не погонятся...

— У тебя сейчас подвахта, не забыл? — успела она проговорить вслед ему. Но он уже растаял в темноте. Такой, как всегда, совершенно прежний Гер, только непривычно растерянный.

Пришла в движение и группа пятерых. Все они как по команде повернулись лицами к вентиляционной будке. И одновременно откуда-то, чуть ли не из этой самой будки, появился еще один человек — шестой. Вот к нему они и бросились, обступили, слышались радостные возгласы...

Патрульный поравнялся с ними — сохраняя, впрочем, дистанцию, показывающую, что вмешиваться он ни во что не собирается, поскольку все тихо и спокойно, никто ничего не нарушает. Все так же насвистывая, проследовал дальше — к дальнему углу вокзала. Там постоит, повернется и снова пройдет мимо. Ничего такого, все нормально.

Что сейчас остается ей? Тихо, спокойно уйти, не так ли?

Как интересно! А деньги? Пока ей заплатили только половину, остальные, как и договаривались, прибыв на место. Ну, прибыли. Так что...

Она решительными шагами приблизилась к ним. Ничего не боясь: полицейский поблизости, они поэтому ничего себе не позволят.

— Ну, господа, рассчитаемся. Вы мне должны еще...

И смолкла. словно горло перехватило.

Потому что на нее смотрели сейчас другие глаза — но *тем*

взглядом. Совсем другой человек. Но...

А он заговорил; и это был другой голос – но та же музыка.
– Малыш...

О Господи! Бред? Или что? Но ведь он действительно сказал: «Малыш»...

А он и не только сказал. Но и взял за руку.

Непонятно. Неестественно. Как угодно «не». Но это – он.
И дрожь по телу от его прикосновения.

– Ты??? – Только на это и хватает сил.

– Малыш, не удивляйся, все нормально, я потом объясню.
Спасибо, что привела их, – молодец, что пришла сама. Да они все заплатят, не волнуйся. А сейчас дело обстоит так: сколько комнат у тебя свободно? Ты ведь искала постояльцев?

– Три... – ответила она машинально.

– Вот мы их и займем. Снимем. Идет?

– Вас шестеро – будет слишком тесно... И, кстати, я беру не за комнату, а с каждого... Потому что свет, вода, прочее...

«Господи, – ужаснулась она, – сама не знаю, что болтаю...»

– Это нас не пугает. Заплатим, сколько скажешь. Согласна?

– Но почему... Вы же из ХП? Другой полиции, храмовой? Значит...

Тут все шестеро негромко засмеялись, а Гер – нет, он не Гер, конечно, но другого имени его она не знала, – сказал:

– Да нет, мы не из ХП. Мы сами по себе. Не бойся: мы хорошие люди.

Но это она и сама ощутила. Вздохнула – и с удивлением почувствовала, что не только они улыбаются, но и она сама – радостно, открыто, рот до ушей. Да она сто лет так не улыбалась! А может, и двести...

– Согласна, – сказала она. И на всякий случай мысленно успокоила себя: да, в конце концов, ничего странного, ей сегодня надо было сдать три комнаты – вот она их и сдала, и выгодно...

Но на деле хотя и не знала еще, но всею собой чувствовала: что-то произошло, непонятное, необъяснимое, но, кажется, хорошее. Очень. А может быть, даже – счастливое? Она всегда избегала этого слова – не только вслух произносить, но и мысленно, про себя. А тут оно вдруг выскочило само, своевольно. Словно бы заявляя: «Не надо меня бояться, слышишь – не надо меня бояться!»

Глава 6

1

Так шестерым гостям мира Альмезот удалось – вроде бы удалось наконец – исчезнуть с городских улиц и, следовательно, более или менее обеспечить себе безопасность, получить время для разработки хоть какого-то плана действий на ближайшие часы и дни.

Однако у них, людей достаточно опытных, никаких особых иллюзий на этот счет не было. Прибыли они сюда в обход всех законов и правил, никого этим не обрадовав, но многих наверняка озаболив. Конечно, можно было только догадываться о нравах и обычаях, силе и возможностях здешних служб безопасности и порядка. Однако даже и то небольшое, что они успели увидеть и почувствовать, говорило о том, что этими вещами тут занимаются всерьез, и даже, скорее всего, защитные сети раскинуты не в один слой, а в несколько, и ведет ими не один какой-то центр, а никак не менее двух, а то и больше; центры эти могли относиться друг к другу доброжелательно или враждебно, однако при возникновении некоей третьей силы, равно угрожающей и тем и другим, они, вероятно, объединяли усилия. Так что безопасность нелегаль-

но прибывших могла оказаться весьма кратковременной и исчислялась не более чем несколькими днями.

На самом же деле дела шестерых были намного хуже, чем сами они предполагали. И никакими днями они располагать не могли; несколько часов – вот что им оставалось в лучшем случае.

А происходило это потому, что экипаж оставил за собой не один след, а целых два. Была тропа Ульдемира и тропа пятерых, и была точка, в которой они пересекались. Если бы все это происходило в совершенной пустоте, следы, безусловно, удалось бы замести. Но, к сожалению, везде были свидетели: с пятерыми вступали в контакт шестеро пострадавших оперативников полиции Храма (пусть формально и незаконной, зато реально – одной из основных действовавших в этом мире сил), и им нужно было лишь несколько часов, чтобы прийти в себя, достаточно связно доложить о происшествии, даже не пытаясь как-то оправдать свое поражение, затем не только составить более или менее соответствующие действительности словесные портреты, но и представить дознавателям две голограммы, которые успел сделать один из шестерых – тот, что пытался спастись бегством. Затем осмотр места происшествия позволил почти сразу же обнаружить ту одежду, от которой пятеро избавились, кое-как присыпав ее мусором. Это было уже большой удачей, и тряпки немедленно отправили в аналитический центр для всестороннего изучения. Другие материалы были мгновенно

размножены и теперь имелись в распоряжении каждой опергруппы полиции Храма. Мало того, руководство этой службы проинформировало о случившемся и командование Державной полиции и поделилось с ним всей информацией. Хотя, конечно, не из любезности. Поскольку для всех политико-экономических конкурентов, поделивших между собою этот мир, было одинаково важным – никоим образом не допускать сюда посторонних, способных исподтишка создать тут еще одну силу, новую. А поскольку всякое вторжение, открытое или подспудное, начинается с разведки, то ясно было, что все, что могло хоть как-то походить на скрытые действия чужих, а потому враждебных сил, требовало совместных действий и Державы, и Храма, и третьей силы – она именovala себя Теневой, но вернее было бы обозначить ее как преступную (хотя уже мало кто в этом мире мог провести четкую грань между законным и преступным – настолько в реальной жизни все перемешалось). Храмовая полиция сделала главное: поставила всех остальных в известность о случившемся, снабдила данными о чужаках и подключила свои громадные оперативные ресурсы к общему делу.

Но и Державной полиции было чем поделиться. Поскольку она располагала показаниями полицейского по имени Гер, хотя и не очень вразумительными, но представлявшими собой интересный материал для серьезного анализа, а недостатка в аналитиках ни ДП, ни остальные две силы не испытывали. А кроме того, был принят во внимание еще и до-

клад другого полицейского, того, что патрулировал автовокзал после Гера и смог более или менее связно доложить и о шестерых, что были замечены им у вокзала, но в то время не вызвали подозрений, и даже о женщине, которая вроде бы с ними не общалась, но, несомненно, находилась по соседству и, следовательно, что-то видела, да, наверное, и слышала, и могла, таким образом, оказаться достаточно ценным свидетелем. Заметь этот патрульный, что в указанное время там находился еще и коллега Гер, личность женщины была бы установлена в секунды, и сейчас группа захвата находилась бы уже на подступах к ее жилью. Однако Геру, как известно, удалось тогда ускользнуть незамеченным, и потому поиски свидетельницы направились неверным курсом. Поскольку оперативникам было ясно, что в такое время суток в таком месте, как вокзал, могла обретаться лишь проститутка, они бросили силы, чтобы перешерстить их всех и выявить искомую; и вот именно это и дало экипажу (и Вирге тоже) те немногие часы, которыми они еще могли располагать по собственному усмотрению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.